

Российская Академия Наук
Институт философии

Сергей Никольский

ИМПЕРИЯ И КУЛЬТУРА
Философско-литературное
осмысление Октября

Москва
2017

УДК 172.1
ББК 87.6
Н 64

В авторской редакции

Рецензенты

д-р филос. наук *В.Н. Порус*
д-р филос. наук *И.Н. Сиземская*

Н 64   **Никольский, С.А.** Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября [Текст] / С.А. Никольский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2017. – 126 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 120–124. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0321-5.

Тема «империя и культура» разрабатывается посредством анализа явлений и процессов, связанных с революцией октября 1917 года. В качестве исследовательского предмета избираются философско-художественные произведения ряда крупных отечественных писателей и поэтов, а временные пределы раздвигаются на несколько десятилетий – от девяностых годов XIX века до тридцатых годов века XX. Особое место отводится философско-литературным фантазиям писателей – современников Октября о будущем коммунистической России и социализма, победившего во всемирном масштабе. Рассмотрение проблематики предоктябрьских, октябрьских и послеоктябрьских событий предпринимается на материале ряда произведений Антона Чехова, Евгения Замятина, Бориса Пильняка, Александра Блока, Александра Богданова, Андрея Платонова, Осипа Мандельштама, Владимира Маяковского, Анны Ахматовой, Варлама Шаламова.

ISBN 978-5-9540-0321-5

© Никольский С.А., 2017
© Институт философии РАН, 2017

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Об империи в России	7
Глава 2. «Константы» российского бытия и Октябрь	17
Глава 3. Люди накануне революции и в ней. <i>Антон Чехов,</i> <i>Евгений Замятин, Борис Пильняк, Александр Блок</i>	36
Глава 4. Философско-литературные фантазии о будущем после Октября. <i>Евгений Замятин, Александр Богданов, Андрей Платонов</i>	64
Глава 5. Жизнь после революции. <i>Андрей Платонов,</i> <i>Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Анна Ахматова,</i> <i>Варлам Шаламов</i>	70
Заключение	110
Список литературы	120

Contents

Introduction	5
Chapter 1. On the Empire in Russia	7
Chapter 2. The “constants” of Russian life and the October (1917)	17
Chapter 3. People on the eve of the revolution, and in it	36
Chapter 4. Philosophical and literary imagination of the future after the October (1917).....	64
Chapter 5. Life after the revolution	70
Conclusion	110
Bibliography	120

Введение

Огромная тема «империя и культура» конкретизируется на материале знаменательного исторического события – российской революции октября 1917 г., столетняя годовщина которой наступает в нынешнем, 2017 г.

Я полагаю, что выработанные философствующими писателями и поэтами представления о реалиях, связанных с Октябрем, органично вытекают из возникших в истории и присущих отечественному социуму инвариантов – «констант» общественного развития. «Константами» российского общественного бытия я называю повторяющиеся на протяжении длительного исторического периода устойчивые, создаваемые государством и обществом, постоянно реализуемые на практике, а также пребывающие внутри традиций объективные и ментальные структуры, которые, с одной стороны, задают ограничения, а с другой, простираивают директорию общественного (экономического, социально-политического и культурного) развития. В их русле, а также под их влиянием появляются и действуют реализующие их социальные акторы – персоны, группы, институции.

Учитывая остроту дискуссий об имперском (не имперском или квазимперском) характере современного российского общества, к которым содержательно примыкает текст, отмечу, что термины «империя», «имперское сознание» и «имперские отношения» не используются мной в оценочном, а тем более негативном смысле. Употребляя их, я лишь констатирую исторический и наличный порядок вещей, причины появления которых лежат не только в субъективной сфере – воле правителей и народных масс. Напротив, личности и социальные группы, этот порядок санкционировавшие, его развитию способствовавшие или ему покоряющиеся, в своей целесообразной практической деятельности решают задачи оптимального приспособления себя, социума и государства к природным и общественным явлениям и процессам.

Первая попытка теоретически осмыслить и практически выстроить «константы» в качестве инструментов государственного управления и структур общественного сознания была предпринята в царствование Николая I в 1832 г. Тогдашний товарищ министра народного просвещения С.С. Уваров в качестве теоретиче-

ского выражения отечественной монархической доктрины предложил формулу: «Православие, Самодержавие, Народность». По его мысли, она должна была отражать отличный от европейского просвещения отечественный вектор исторического развития, в котором не было места идеям верховенства права, свободы мысли, прав личности, индивидуализма и рационализма.

Обозначенная проблематика «констант» в художественной форме осмысливалась и выражалась философски ориентированными писателями и поэтами, что и составляет предмет настоящего исследования.

Одна из мыслей, которую я стараюсь выразить, заключается в том, что механизмы революционного вмешательства в историю включают в себя не только социально-экономические и политические факторы общественной жизни, к настоящему времени достаточно хорошо изученные, но и не менее мощный по своему практическому воздействию фактор духовной культуры общества, изученный, к сожалению, недостаточно. В определенной мере восполнить этот обозначенный пробел призван данный текст.

Глава 1. Об империи в России

Может быть, наиважнейшей мыслью, которая была воспринята и сохранена сообществами, населяющими Россию со времени падения Византии до наших дней является мысль об империи и о том, что в своей совокупности они – имперский народ. Мы всегда знали, что живем в стране, история которой представляет собой непрерывную цепь территориальных расширений, захватов, присоединений, их защиты, временных утрат и новых приобретений. Мысль об империи была одной из самых ценных в нашем идейном багаже, и именно ею мы удивляли, восхищали или ужасали остальной мир.

Глубоко познавший народное сознание, Лев Толстой, как известно, задумывал роман о «силе завладевающей», экспансионистской, главном божеском призвании русских. Так, мысль о мирном завоевании необъятных восточных пространств, к примеру, неоднократно высказывал в «Анне Карениной» его любимый герой Константин Левин.

Спустя век другой русский человек, находившийся рядом с последним лидером СССР и его первым Президентом М.С. Горбачевым, его помощник по международным делам историк Анатолий Черняев о «силе завладевающей» в момент краха советской империи говорил так: «Михаил Сергеевич оказался менее прозорливым, чем Ельцин со своим звериным чутьем. Горбачев боялся, что русский народ не простит ему отказа от империи, а русскому народу оказалось наплевать. ...И к тому же единство России держалось на

самодержавии губернаторов-наместников... И то, и другое являло собой сугубо русское имперское начало целостности государства, а также природную склонность и способность русских к слиянию с местным населением. И, конечно, военная сила...»¹. Империя, самодержавие. Как и века назад.

Жизнь в империи не прошла для страны даром. За минувшие столетия имперское бытие сформировало наше сознание, вошло в культуру.

* * *

Определений империи, как и реально существовавших государств такого типа, может быть много, и по этой причине единого определения нет². Были Римская и Византийская империи, Османская, Британская, Китайская, Австро-Венгерская, Германская империя времен Бисмарка и Вильгельма, Веймарская республика, Третий Рейх. Были Российская империя и Советский Союз. Все имели особенности, охватить которые единым определением нельзя. По этой причине я попытаюсь дать определение только нашей империи – от примерного времени ее возникновения в середине XVI столетия и до момента крушения СССР, отмечая, что разговор о современном имперском или квазиимперском существовании Российской Федерации – разговор особый³.

Говоря об империи, ряд историков склоняется к тому, чтобы этим термином обозначать лишь особые временные отрезки бытия народов. Так, Эрик Хобсбаум утверждает, что мировая система в период с 1875 до 1914 гг. превратилась «в систему, где “передовые”

¹ Черняев А.С. Приближение к обрыву. Из дневника помощника президента СССР Анатолия Черняева // Независ. газ. 20.03.2017. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-03-20/8_6952_ussr.html (дата обращения: 27.03.2017).

² «...Никакого общепринятого определения империи не существует» (см.: Миллер А.И. История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 27).

³ Проблема империи в России и СССР с 90-х гг. XX в. в кругах историков и других ученых-гуманитариев сделалась актуальной. Среди наиболее известных дискуссионщиков назову имена Р. Абдулатипова, А. Ахиезера, А. Каппелера, И. Клямкина, А. Миллера, М. Ноженко, Ю. Пивоварова, В. Тишкова, Л. Шевцовой, И. Яковенко.

господствуют над “отсталыми”... в мир империй»⁴. Это было время глобальных колониальных империй, которые возникали путем завоевания, аннексии или подчинения одних стран другими, в результате чего они находились под непосредственным управлением или неофициальным политическим контролем. При этом явление «империализма» имело новую, по сравнению с древностью, экономическую и территориальную основу – глобализм, сделавшийся фундаментом экономики всего мира⁵.

Что же до Российской империи и СССР как особых континентальных империй, то они, на мой взгляд, должны рассматриваться как исторически (более 500 лет назад) сложившийся тип государства, способ хозяйственной и общественной жизни, особое сознание подданных. Для них, по моему мнению, характерны следующие черты, в чем-то повторяющиеся у других империй, а в чем-то уникальные:

– максимизация территориального расширения для достижения экономических и политических целей как важнейший принцип государственной политики. Задача присоединения народов вторична по сравнению с задачей присоединения территорий. Отсюда – отношение к присоединяемым как к сопутствующему материалу;

– построение закрытой для внешнего мира самодостаточной политической, экономической и общественной системы (концепция единственной на свете «святой Руси», «железного занавеса»). Уверенность, что все, находящееся за пределами России, чуждо и враждебно ей;

– заложенное и культивируемое в национальном сознании представление о наличии у страны особой миссии. «Сверх-идеям» православия, «Третьего Рима», пролетарского интернационализма, оплота мирового коммунизма приписывалась неколебимая истинность и божественный характер. Возможность появления такого рода идей у других народов исключалась;

– обязательность сакральной фигуры императора-вождя (самодержца – наместника Бога на земле, «отца народов», генерального секретаря, президента), наделенного всеобъемлющей властью. Под его мировидение строятся и перестраиваются государственные институты – инструменты реализации его воли;

⁴ Хобсбаум Э. Век империи. Ростов н/Д., 1999. С. 83.

⁵ Там же. С. 84–93.

– гражданственность как качество населения в сравнении с государством вторична и подавляется, ее экономические, политические, правовые и культурные основы в форме боярской думы, автономных университетов, крупных общественных или частных объединений, парламента минимизируются или устраняются. Право подчинено воле самодержца и государственной бюрократии;

– значимость отдельного человека сводится до мелкой детали большого механизма, его личностные особенности и интересы игнорируются. Реализуется цель гомогенизировать население – воспроизводить подданных.

Империи существуют внутри и посредством культуры. В самом широком смысле культура – все созданное руками и духом человека и в отличие от природной среды – «природа вторая». В дальнейшем в настоящей работе в рассуждениях об империи и культуре я буду обращаться к культуре духовной как «деятельности человека, освященной идеалом»⁶, как к системе вырабатываемых народом и его творцами смыслов и ценностей.

* * *

С какого момента русские начали ощущать себя народом, который способен и имеет право на пространствах Евразии подчинять себе других, главенствовать, определять настоящее и будущее свое и чужое? Когда дало о себе знать наше имперское сознание, о котором не так давно один отечественный исследователь писал, что «присоединяем мы к себе народы, или даже силой оружия покоряем – для их же Блага – с нами Бог! А если они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права. Россия всегда на стороне Бога. Если она не права, то это уже, как бы, и не Россия». В общем, вслед за пророком Исайей: «С нами Бог, разумеете, народы и покоряйтесь, яко с нами Бог!» (Ис. 7, 18–19)⁷.

Наука не имеет точного представления о том, почему одни народы создают империи, а другие нет. Тем более – почему одни к разрушившемуся относятся без слез или даже разрушают свои им-

⁶ Гulyга А. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 37.

⁷ Манифест, Николай I, Император и Самодержец Всероссийский, 17 августа 1849 г. О разгроме Венгерского восстания. URL: <http://hisdoc.ru/laws/15684> (дата обращения: 02.02.2017).

перии сами. Защитники идеи империи как формы существования избранных народов доказывают, что строят империи только сильные народы, которые «обладают правдой от Бога» и которые ради этой правды готовы нести свои и чужие жертвы. Более того: те, кто утверждает, что «Россия – империя навсегда», добавляют, что, в отличие от прочих завоевателей-империалистов, мы реализовали не прагматически обусловленную, а особую «культурно-детерминированную» экспансию и действовали не ради собственного интереса, а для пользы присоединяемых и чаще всего бескорыстно, если даже не в ущерб себе. Но почему мы столь альтруистичны? На это ответа нет.

Пониманию, откуда взялось наше имперское сознание, помогает история наименования «Третий Рим». Как известно, Древний Рим был первой мировой языческой империей, претендовавшей на включение в свои пределы всего цивилизованного мира. Политический, экономический, военный и любой иной изоляционизм от варварских народов, равно как культурный и правовой универсализм внутри империи, были его главными отличительными признаками. Этническая принадлежность входивших в империю народов во внимание не принималась. Рим как продолжение Афин являл собой новое издание эллинистической цивилизации, ее культуры и религии, дополненных глубоко разработанным и исполняемым правом. При этом религия пронизывала государственную жизнь, а отношения человека с богами реализовывались под строгим государственным контролем.

Пришедшая с распространением христианства на смену Рима Византия с самого начала заявила о себе как о земном бытии Царства Небесного, а о фигуре императора – как о заместителе Бога. В качестве идеала она провозгласила сообщество людей на основе общей правильной (православной) христианской веры. Различение языков, этносов, культур не просто игнорировалось, но считалось следствием греха, самовольной попытки вавилонского покорения Небес. Православием Византия преодолевала любой национализм. Власть государства была всеобъемлюща. Каждый подданный рассматривался как винтик единого механизма. Император управлял империей, а все иные народы ранжировались как «полезные» или «вредные» для православного государства.

Россия, бывшая частью Византийского мира, после падения Царьграда ощутила себя сиротой, но вместе с тем и единственной наследницей великой империи. Россия воспроизвела, хотя и существенно скорректировала основные имперские принципы Византии. Сохранив изоляционизм от неправославного мира, хотя и не варварского, как считали в Византии, но погрязшего в заблуждениях и грехе, русские сосредоточились на расширении и укреплении границ своего царства. Для этого, как универсально обрисовал ситуацию в повести «Казачьи» Лев Толстой, на Кавказе «русскими мужиками, обстриженными и одетыми в мундиры и вооруженными ружьями со штыками, убивались тысячи людей, защищавших свою свободу, свои дома и семьи». То же самое делалось и на других «окраинах», за что царские начальники «получали ордена и новые украшения на мундир». И это не было отдельными мероприятиями Российской империи. При этом внутри страны православного миссионерства среди присоединяемого туземного населения по мере продвижения на запад, юг и восток было немного. Приятие в православии считалось делом Божьего Промысла. Однородность империи покоилась на религиозной основе декларативно. Фактически же в ее границах сосуществовали мусульманский, буддийский, католический и протестантский миры, а гражданство (подданство) предоставлялось по факту проживания в границах империи и было предварительным условием обращения в православие.

Как и в Византии, на государство смотрели как на икону, но «симфонии» государя и патриарха не было, а царю божественная воля приписывалась даже в большей, чем у византийцев, мере. И если от подданных империи не требовалось православного религиозного служения, то им предписывалось отнюдь не меньшее служение царю как помазаннику Бога и столпу государственности.

Усиление тенденции «самодержавства» в противоположность «самовольству» выразилось и в том, что русские последовательно игнорировали входившее в византийское наследство римское право⁸.

---

⁸ С этого времени отечественное право из надличностной силы в той или иной мере всегда перемещалось и помещалось в персону самодержца, что исключало возможность его укоренения в жизни, которое, согласно Канту, требовало трех условий: правильной конституции, доброй воли и многовекового опыта. В то же время монархия (самодержавие) было естественной формой власти в отечественном порядке вещей, поскольку республиканизм (демокра-

Покоившееся на идее частной собственности и личности как субъекта правоотношений, оно не только не стало, как в Византии, основой имперского универсализма, но, напротив, сделалось угодливой служанкой царской власти. Гражданство в Российской империи, лишенное политических, культурных и правовых основ, было «гражданством» по месту нахождения человека на определенной территории, включенной в состав государства. У земель было больше прав, чем у населявших их жителей. Уже Иван Грозный «тасовал» бояр между территориями «опричнины» и «земщины», между центральными и отдаленными регионами, таким образом определяя меру их приближения к себе и степень «достоинства», без суда, по личному решению сотнями грабил, пытал, казнил. Самодержавный произвол сделался одним из столпов Российской империи.

Параллельно со становлением Российской империи посредством наращивания территорий шло формирование имперского сознания. Мощный импульс российской имперской идее в начале XVI в. придала формула псковского монаха Филофея «Москва – Третий Рим». Но кроме знаменательной масштабной цели идея содержала в себе и важный для самодержавной нацеленности российской власти чрезвычайный характер. Москва объявлялась Римом не только следующим, но – главное – последним и на короткий срок, так как конец человечества якобы был близок. Поэтому задача спасения правильного христианства публично возлагалась русскими только на себя, а исключительный характер исторических обстоятельств оправдывал и требовал от них чрезвычайных действий.

Конец света, однако, все не наступал, и для поддержания имперской идеи понадобился новый материал. Поскольку правовых отношений между государством и подданными не предполагалось, начиная со второй половины XVI в. набирает силу процесс закрепощения крестьянства и дворянства самодержавной властью. Даже появившееся спустя столетие послабление для дворянства в виде указов Петра III, а затем и Екатерины II, согласно которым оно освобождалось от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, коренным образом их отношений с высшей властью не изменило.

тия) был невозможен в силу отсутствия у народа культуры законности, свободы и правосознания, равно как и имущественной, умственной и волевой самостоятельности.

Со времени сформулированных Иваном IV идей «самодержавной воли» и «единственной истинной веры» можно говорить об элементах целенаправленного имперского строительства со стороны власти и о запущенном процессе формирования у русского народа имперского сознания. «Самодержавство» Ивана Грозного было и реакцией на реформацию в Европе, что верно было истолковано как увеличение степени свободы индивида, недопустимое для России.

Процесс имперского строительства и формирования имперского сознания шел противоречиво. С одной стороны, в него входили представления об общине – крестьянском мире, которым крестьяне отгораживались от государства. С другой, формировалась логика захвата, перехода на новые, принадлежащие инородцам и потому «не занятые» земли, что совпадало с хозяйственной практикой экстенсивного ведения хозяйства. В этом крестьянство было с государством заодно, и это в последующем дало основание спекулировать на идее «русский народ – народ-государственник». Само собой, что в обоих отношениях право если и присутствовало, то только условно-декларативно и на высшем уровне, в то время как на практическом, низовом имела место камуфлированная под мирное сосуществование колонизация. При этом захватывавший чужие территории русский народ был преисполнен веры в свою государственническую миссию. Считалось, что там, где живут русские, там Бог и Российская империя.

Нельзя, однако, забывать, что на новые земли народ гнала хозяйственная нужда, безземелье или стремление уйти от власти государства. Как полагали, например, старообрядцы, убегая на восток, они уносили с собой Святую Русь от антихриста – государства. Однако власть шла следом за народом, шаг за шагом возвращая его в подданство и одновременно расширяя свою территорию. Как свидетельствовал один русский чиновник, разницы между Ермаком и генералом Черняевым («Ташкентским львом») нет никакой.

В строительстве империи посредством колонизации окраин русские не были исключительно миротворцами, как это пытаются представить сегодняшние защитники идей «духовных скреп». Мирным путем цели достигались только там, где мы встречали народы со слабо развитой культурой и национальным чувством. Там русский рецепт имперскости – личного бесправия (холопства), господства самодержавной воли, отсутствия закона и гомогенизированного индивида в массе подданных принимался аборигенами без сопротивления.

Но там, где русским колонистам противостояла сколько-нибудь развитая государственность, культура, личное и национальное чувство, там дело, как правило, не решалось миром или и вовсе терпело провал. В отличие от мирной колонизации, колонизация военная требовала всестороннего «усмирения» – вплоть до уничтожения – «буйных» туземцев. В случае победы их общественная жизнь – управление, суд, социальная стратификация – приводилась в соответствие с российской, а их национальный высший слой включался в имперский.

В обоих, мирном и военном, вариантах русского строительства империи хотя и в подчиненном виде, но все же присутствовали просветительский и цивилизационный элементы. Главным образом преследовалась цель гомогенизации населения территории – основы государственного единства. Конечно, там, где это было возможно, ассимиляция закреплялась православным крестом. Но там, где это, как, например, в Туркестане, исключалось мусульманством, власть была вынуждена довольствоваться фактом территориального гражданства.

Гомогенизация (покорение с усреднением, низведением личностного начала до ничтожества и холопской покорности, приучение жить по воле ближнего наместника и дальнего царя) как доминирующий имперский принцип требовалась потому, что была единственным способом успешно осуществлять централизованный способ управления. Самодержец волею Божьей мог управлять, только предельно упростив все управляемые субъекты. Реализация желания быть вездесущим и править исключительно лично требовала сокращения количества управляемых до небольшого числа.

Культура как постоянное увеличение разнообразия и просвещение как рост информационного содержания каждого управляемого элемента имперской системе были категорически противоположны. При самодержавном способе правления культура делалась тем, что мешало, считалась вредной. По этой причине высокая культура допускалась в ограниченном и часто оскопленном виде, зато процветала выгодная империи культура «массовая».

Имперское строительство было не только государственной, но и народной политикой. К переселению крестьянина центральной России толкала постоянно усиливающаяся при экстенсивном веде-

нии хозяйства «теснота жизни», а закабаленные могли обрести волю только на чужой стороне. По этой причине свободные переселения (равно как переселения беглых) нельзя относить к беспричинным, неразумным или выгодным только власти. Существовал созданный крестьянами институт ходаков, которых общины посылали в предполагаемые районы переселения для сбора нужной информации.

Однако крестьянство, как и управленческий слой русской колониальной администрации, придя на «незанятые» земли как захватчик, по-своему было заинтересовано в сохранении примитивного уровня сознания и культуры аборигенов. В лице туземцев русские переселенцы обретали еще более бесправных перед российской властью людей, чем они сами. И, значит, у них появлялась возможность переложить на них часть той тяжести, которая ранее всей своей силой давила их самих. Кроме того, поскольку вслед за народом на колонизованные земли приходила государственная власть, русские оказывались под ее защитой и по этой причине тоже рассматривались местным населением в качестве привилегированного класса. Причем для этого не требовалось ни образованности, ни принадлежности к высокой социальной группе, ни тем более личных усилий и качеств. Достаточно было национального признака. То, что это было непременно так, подтверждается и отношением русских к евреям, столетиями живших в стране, но тем не менее считавшихся за инородцев. Они, как отмечает, например, Н.С. Лесков, оставались «на своей родине не более как теми же “презренными жидами”, которым считает себя вправе оказать пренебрежение всякий безграмотный мужик, полуграмотный дьячок и самый легкомысленный газетный скорописец»⁹. Поэтому одно из наиболее обоснованных, на мой взгляд, объяснений причин активного участия народа в строительстве империи и сохранения имперского сознания состоит в следующем: русский народ бежал от власти и к власти стремился.

Впрочем, самодержавно-православная парадигма российской власти, дававшая желательный власти результат от середины XVI столетия до Октябрьского переворота, во времена советского строя должна была быть изменена, что и произошло. Однако при существенных изменениях формы глубинное содержание осталось неизменным.

⁹ *Лесков Н.С.* Еврей в России. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0142.shtml (дата обращения: 13.02.2017).

Глава 2. «Константы» российского бытия и Октябрь

По наблюдениям многих философов, политологов и историков, развитие России происходит в парадигме периодически повторяющихся, ориентированных на новизну и прогресс рывков с неизбежными последующими откатами к традиции и архаике. Это представление получило описание во многих концепциях циклического развития страны, согласно которым в отечественной истории регулярно чередуются реформы и контрреформы, периоды «авторитарного» и «либерального» развития¹⁰. Во всех этих процессах имеет место то, что может быть названо «константами» общественного бытия.

Исследование их природы, взаимосвязи и взаимообусловленности в российской истории – большая научная проблема, которая соотносится с категориями традиций и новаций. Однако если последние имеют принятые определения, то «константы» как оформившаяся концептуально, глубинная часть традиций такового определения не имеют, и оно требуется.

В истории были случаи, когда озабоченные пониманием общественного развития государственные деятели четко формулировали идеи «констант». Яркий пример XIX в. – когда в 1832 г. при

---

¹⁰ См., например, работы: *Зубов А.Б.* Циклы русской истории // *Вопр. философии.* 2005. № 3. С. 161–166; *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий развития России в XXI в. М., 2011; *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Историческое прогнозирование в XXI в.: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна, 2014.

вступлении в должность товарища министра С.С. Уваров заявлял, что народное просвещение должно согласоваться с истинно русскими хранительными началами Православия, Самодержавия и Народности, что будет вернейшим залогом силы и величия нашего Отечества¹¹. При этом самодержавие как тип русский власти и православие как тип русской веры определяют содержание народности, а все вместе обеспечивают неизменность главных характеристик государства.

В изданной в России впервые в 1904 г. книге «Православие, Самодержавие, Народность» сын Алексея Хомякова Дмитрий подробно дает свое понимание уваровской триады, особо подчеркивая неправильность трактовки «священной формулы» как абсолютизма, освященного верою и утвержденного на слепом повиновении народа, верующего в его божественность¹². Православие – это свойственный русскому народу дух, органически связанный с присущей ему от рождения психологией. Православие – свобода человеческого духа в его следовании за Христом. В своем общественно-государственном преломлении это есть понимание земных явлений и задач в контексте христианства. С другой стороны, «камень веры нужен не для построения прямо на нем государства и светского общества, а для того, чтобы стоя на нем, каждый человек старался бы устранять из государства и светского общества все, по возможности, что противно вере»¹³.

С этих позиций для православного человека государство является лишь «средством охранения того, что ему дорого, то есть духовно-культурных начал, составляющих суть народа»¹⁴. Русский самодержец, в отличие от абсолютного монарха или императора, в своей деятельности «связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной. ...Царь, когда это ему кажется нужным, думает о великом государевом, земском деле вместе с Землею. ...Для него тверд (духовного) склада. Если народ

¹¹ Славянофильское толкование триады Уварова находим у Хомякова: Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1983. Среди современных авторов на эту тему см.: Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 58–97.

¹² Хомяков Д.А. Православие, Самодержавие, Народность. С. 19.

¹³ Там же. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 45.

сам в себе развивает культуру совершенно независимую, или воспринимает таковую вместе с просвещением по доброй воле, вследствие того, что она соответствует его прирожденному душевному складу, то эта его основная принцип, ...что совместное думание есть условие правильного течения государственно-земских дел; а когда и как, Царь будет сдумываться с народом, – это дело царское, – на то он и Царь, чтобы знать и ведать, когда это нужно. ... Во всяком случае верно для народа то, что из тех рамок, которые поставлены верой и обычаями, Царь также может выступить, как и он сам (народ-Земля). Вот то представление о своем самодержавном Великом Государе, которое имела допетровская Русь и существующее доселе в народе»¹⁵.

Термином, завершающим описание структуры российского бытия, является вытекающая из православия и самодержавия народность. Народность – это «индивидуальность народа, полнота его прирожденных способностей, и всего его душевного народность выразится в проявлениях этой культуре свойственных, но окрашенных именно чертами, основной народности свойственными»¹⁶.

Необходимость обнаружения некоей фундаментальной основы российской государственности и общественной жизни отмечают многие исследователи. Так, о первоосновах российской государственной власти пишут А.С. Ахиезер и соавторы, а также И.М. Клямкин, когда выделяет три действующих в российской истории фактора – силы, веры и закона¹⁷. Однако в толковании Клямкина эти «факторы» имеют отношение лишь к власти – важной, но все же части жизнедеятельности общества.

Константы российского бытия я определяю следующим образом и с этого момента перестаю брать этот термин в кавычки. Это, во-первых, произвольно сложившийся, а отчасти целенаправленно созданный в исторической общественной практике *способ устройства и функционирования общественного бытия* социума; во-вторых, это постоянно воспроизводящиеся устойчивые, создаваемые государством и обществом *ментальные структуры*, которые, с

¹⁵ Хомяков Д.А. Православие, Самодержавие, Народность. С. 114.

¹⁶ Там же. С. 222.

¹⁷ Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? М., 2008; Клямкин И.М. Затухающая цикличность // Гефтер URL: <http://gefter.ru/archive/6660> (дата обращения: 13.02.2017).

одной стороны, задают ограничения, а с другой, простираивают директории общественного (экономического, социально-политического и культурного) развития, под влиянием и в русле которых появляются соответствующие им социальные акторы – персоны, группы, институции. Константы общественного бытия российского социума задают характер его собственного развития, тип и характер его взаимосвязи с природой и другими сообществами.

* * *

Переход от родоплеменной организации к формированию государственной формы жизни народов, впоследствии получивших наименование русских, совпадает с периодом их освобождения от более чем двухсотлетней власти кочевников. Степная форма организации общественной жизни россиян возникла из длительного, зримо наблюдаемого примера. Наличествующая у степняков ресурсная экономика, которая по мере исчерпания полезного в хозяйстве природного вещества требовала новых пространств, военная организация жизни, предполагающая централизацию и единоначальное управление, закабаление населения, посредством чего удовлетворялись потребности властной административной и военной верхушки – все это составило условия для возникновения исходных социальных констант, предопределивших форму организации хозяйственной, государственной и общественной жизни наших предков.

В составе констант важно отметить сложившуюся ко второй половине XVI в. и укрепившуюся в противоборстве с Западом религиозную компоненту. Состоявшийся в 1054 г. раскол Римско-католической и Православной церквей был усилен падением в 1453 г. Константинополя, знаменовавшим собой конец Византийской империи. Воспринятая Василием III и Иваном Грозным идея «Москва – третий Рим» укрепила Православие в его антизападных устремлениях и притязании на Византийское наследство. При этом модель византийской империи с ее центральной идеей – самодержавной властью – была приспособлена к «степным» предрасположенностям Москвы, в результате чего из византийской модели была выброшена идея и институт права, а также идея защищенной

законом частной собственности. В системе властных отношений с народом это выражалось в отсутствии отношений договорных и доверительных и, напротив, укоренении отношений начальственных и насильственных.

Об окончательном формировании исходных российских «констант» – идей империи, самодержавия и соединения власти и собственности – в полном объеме можно говорить, начиная с Ивана Грозного. Идея империи, наряду с прочим, раскрывала ориентацию страны на пространство как источник ресурсов. Самодержавие было избрано в качестве формы правления¹⁸. Что же до механизма слияния власти и собственности, то он оказался идеальным инструментом развития империи и поддержания самодержавия в работоспособном состоянии. С его помощью верховная власть обеспечивала добровольное расположение и подчинение одних и принудительное управление другими. Для раскрытия двойной направленности этого механизма наряду с термином «собственность» требуется употребление и термина-антипода «бессобственность». При этом надо иметь в виду, что оба имеют отношение не только к вещно-материальному миру. Прежде своего вещного, фиксируемого правом, юридического значения категория «собственность» обозначает свободу или несвободу человека распоряжаться самим собой, быть собственником самого себя или не быть таковым, а пребывать в той или иной степени в зависимом состоянии¹⁹.

Названные константы легли в основу российского способа бытия. Век от века, воплощаясь в конкретной истории – опыте страны, включая идейные поиски ее правителей, они развивались, становясь все более мощными и изощренными.

¹⁸ Понятие «самодержавие» я употребляю как синоним абсолютизма, а не в толковании И. Ильина или Д. Хомякова. У Ильина читаем: «...он (абсолютизм. – С.Н.) отвергает основное в правах Государя, ибо он не признает его ЗАКОННЫМ монархом, он отрицает его высокое призвание верховного субъекта права, он снижает его звание до звания тирана, он разлагает и разрушает самую правовую форму монархии» (*Ильин И. О грядущей России*. Джорданвилл, 1991. С. 105).

¹⁹ Подробным образом проблема собственности и собственного рассмотрена В.В. Бибихиным. Обращая внимание на скрытую полярность понятия своего, собственного, он отмечает, что глубже значения физической и юридической принадлежности эти понятия несут смысл подлинного, родового, родного, интимного, т. е. такого, что не находится во владении лица, а, наоборот, владеет им (*Бибихин В.В. Собственность. Философия своего*. СПб., 2012. С. 99–102).

Первым термин «самодержец» («Господарь и самодержец всея Руси») употребил московский царь Иван III, хотя при нем это наименование использовалось для акцентирования международного суверенитета страны, а не для характеристики ее внутреннего устройства. Качество страны как империи было сформировано при Иване IV Грозном, когда, освободившись от власти Орды, он не только осуществил масштабные приращения земель, но и существенным образом изменил управление и саму жизнь подданных.

Начав свое правление с участием во власти «Избранной Рады», созыва Земских соборов, создания элементов самоуправления на местном уровне и даже составления Судебника, вскоре он изменил курс. У историков нет единого мнения о причинах этой перемены, но очевидно, что от форм правления, основанных на согласовании интересов и решений – подобии договорного права, он перешел к «праву» единоличной власти. Сделано это было по всему спектру правоотношений, включая изменение базового основания собственной легитимности, вынужденно поддержанного Церковью. При нем была уничтожена независимость и императивная сила пастырского слова. И хотя документальное постулирование самодержавия произошло только при Петре I²⁰, похоже, в этом случае общественная практика опередила правовую норму.

Так же как отражение практического действия, при Иване Грозном в российском бытии и формирующейся национальной идентичности произошло слияние власти и собственности, начало закрепляться состояние собственности/бессобственности. Производимые опричниками убийства и переселение бояр, отъем и перераспределение их имущества не только лишали отношения людей по поводу вещной собственности их легитимного содержания, но и вводили общее для всех подданных состояние «собственности по воле самодержца», включая лишение подданных «собственности-жизни». В дальнейшем в истории были времена, когда дворянство как ближайший к монарху социальный слой получало права временной, на период службы, собственности на имения или, в другое

²⁰ В 1721 г. в «Духовном регламенте» Феофана Прокоповича появилось положение: «Монархов власть есть власть самодержавная, которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает».

время, права собственности постоянной, включая крепостных, с передачей таковой по наследству. Однако никогда у подданных не было уверенности в том, что их собственность по воле самодержца в любой момент не может быть отнята.

Среди многих признаков российской империи применительно к XVI в. прежде всего следует отметить ее экспансионизм²¹. Для страны он был органичен, так как определялся исходными устойчивыми факторами. Первым среди них следует назвать экономическую отсталость, отчасти вызванную нашествием кочевников. Присущий кочевникам исторически тупиковый характер жизнедеятельности с постоянными переходами с одного места на другое, что исключало интенсивность развития, с одной стороны, и невозможность для России в этих условиях активно прогрессировать, в том числе налаживать контакты с Европой и вырабатывать основанную на договорных отношениях форму развития, с другой, обусловили такой характер ее социально-экономического, политического и культурного бытия, при котором периоды прогрессивного развития перемежались стагнацией и откатами назад. Заложенный этой формой властвования стереотип впоследствии в полной мере никогда не преодолевался. Во-первых, всегда имелось много новых ресурсов, добыча и использование которых справедливо избиралось властью как наименее затратное. И, во-вторых, вся общественная организация, закреплённая в общественном сознании и психологии членов сообщества, создавала инерцию для продолжения именно такого способа социального бытия.

Периферийное географическое положение по отношению к очагам цивилизации в сочетании с уязвимостью длинной границы были вторым фактором, предопределявшим имперскую форму организации социума: врагов нужно было побеждать, отодвигая как можно дальше от центра – разрастающейся Москвы. Территория, требовавшая государственного патронажа и обороны, постоянно росла. Вместе с тем участие России в многочисленных

²¹ Из констатации этого факта не следует, что в этом Россия была уникальна. Стадию активного экспансионизма прошли многие мировые державы. Но, в отличие от нашей страны, их экспансионизм, во-первых, был ограничен во времени и, во-вторых, строился на принципиально иной основе: «метрополия – дом», «колонии – не-дом». В России этого разделения не было, хотя некое его подобие ранее фиксировалось понятиями «центр» – «окраины, провинция», а теперь и термином «регионы».

вооруженных столкновениях не могло не сказаться на состоянии ее хозяйства. Так, поражение Ивана Грозного в Ливонской войне и его деспотическая политика, дополнившая природные бедствия (неурожаи и эпидемии) несчастьями рукотворными (налоговыми изъятиями и опричным мародерством), обусловили массовый исход крестьян из Центральной и Северо-Западной России на недавно присоединенные окраинные территории. Пытаясь обуздать охвативший страну хаос, Иван IV в 1581 г. запретил крестьянские перемещения, отменив Юрьев день, что, впрочем, проблему не решило. Только в Московском регионе в это время, по разным оценкам, было заброшено от 76 до 96 процентов сельских поселений. В то же время, чтобы спасти себя от голода, крестьяне стали продавать себя в рабство. Имперский рост, таким образом, инициировал изменения в отношениях собственности, а изменения в собственности способствовали росту империи.

И, наконец, третьим фактором, подтолкнувшим к созданию империи, была многонациональность и поликонфессиональность населения, а также разные уровни хозяйственно-культурного и политического развития народов присоединяемых территорий. Конечно, к империи толкали не сами по себе эти особенности людских сообществ. Но то, что империя могла существовать только в форме непрерывного расширения до тех пор, пока не встречала непреодолимого предела, выстраивая отношения с присоединяемыми сообществами так, чтобы не оттолкнуть ни сильных, ни слабых, предопределяло ее жизнестойкость. При этом разные отношения тем не менее должны были иметь общую им государственную форму. И форма эта не могла быть сложной, так как в этом случае она заведомо не подходила бы для слабо развитых и менее сложно организованных сообществ. По этой причине вопрос – договор и право, включая ограниченное правом государственное управление в сочетании с самоуправлением и развивающимся гражданским обществом, с одной стороны, или приказ и насилие, самодержавное правление, воспроизводившее себя на всех уровнях, с другой, – этот вопрос был предreshен.

В этой связи понятна неизбежность и органичность для России самодержавной природы государства. Империя была одной из самых простых форм власти и поддерживала свою жизненность насилием и непрерывной экспансией. Примитивные уровни развития на-

родов, включаемых в империю, их разнообразие требовали простых форм ассимиляции. Что же до народов «развитых», то империя с разной успешностью находила способы их покорения и удержания, хотя и в форме сосуществования, а не поглощения. Но это удавалось ей только до определенных пределов, преодолев которые «продвинутые» народы либо вынуждали отпустить их добровольно (Финляндия), либо достигали этого насильственным путем (Польша).

Становление российской империи в XVI–XIX вв. не было исключительным явлением и вполне вписывалось в международное право. Согласно ему, любое расширение территории должно было базироваться на одном из трех оснований: завоевании, уступке (цессии) и занятии ничейной земли. В результате за период без малого трехсот лет Россия как централизованное унитарное государство, за исключением автономных Финляндии, Бухары, Хивы и Тувы, присоединила к себе многие территории. Были завоеваны Прибалтика, Польша, Северный Кавказ, Средняя Азия; присоединены по договору Левобережная Украина, Бессарабия, Грузия, Армения, часть Азербайджана и Казахстана; инкорпорированы в ходе хозяйственной колонизации Север, часть Поволжья и Сибирь. Количественное выражение экспансии на этом временном горизонте видно вполне четко. Так, если в последней трети XVI в. соотношение между населением в границах собственно России и населением присоединяемых территорий составляло 86 процентов и 14, то к Октябрю 1917 эта пропорция была 40 процентов и 60²², а если прибавить к этому завоевания и присоединения, сделанные СССР накануне и после Второй мировой войны, то количественный показатель в пользу присоединенных народов увеличивается еще больше.

И, наконец, не менее важным признаком российской империи было наличие у императора и у некоторых подданных представления о его личной особой миссии в истории и такой же миссии у России. Начало этому явлению дала идея «Третьего Рима». В ней заключалось представление о роли и значении России и русских царей в качестве преемников римских и византийских императоров. Согласно ей, самодержец был таковым в силу избрания самим Богом, а стране – самодержавно-царской автокефально-православной Руси – надлежало хранить правую веру и бороться с ее врагами.

²² *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2015. С. 95.

Изначально присущий Российской империи экспансионизм проистекал не только из перечисленных факторов, но и из хозяйственно-экономических причин. В этом отношении в дополнение к базовым константам российской власти и общества – империи и самодержавию – следует обратить внимание на еще одну – власти – собственности/бессобственности. Отмечаемое еще древними, а затем и христианами родовое свойство человека – его свобода – в отечественной истории из природы человека было устранено. Как констатировал В.О. Ключевский, «вся философия самодержавия у царя Ивана свелась к одному простому заключению: “Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же”»²³.

Связанная с вопросом о качественном развитии человека и страны, проблема была не только в том, что один человек мог отнять жизнь другого. Не менее существенно было и то, что при таких отношениях несвободный (бессобственный) человек был лишен оснований для свободной деятельности, предопределяющей его инновационную, творческую активность. Не только природные условия или стереотипы властных отношений, но само общественное устройство толкало хозяйствующего субъекта не создавать новое, но лишь искать нужное в природе, в сырьевом ресурсе, адекватном его несвободному, минимальному хозяйственному участию, но дающему быстрый и до поры приемлемый результат. В этой связи характеристика хозяйственно-экономической природы российского экспансионизма точно фиксируется наблюдением: «ресурсная зависимость существовала в России задолго до нефти и газа и... сформировала саму ситуацию внутренней колонизации»²⁴.

Для непрерывной добычи ресурсов – будь то пушнина, рыба, пенька, «черное» или иное золото – обеспечиваемая имперской властью экономическая устойчивость была важнее, чем свобода или сама жизнь человека. То, что это положение, отражающее место человека в структуре базового основания – слияния власти и собственности (собственности/бессобственности), в XX в. проявило себя в наибольшей мере, свидетельствует отечественная история. Никогда до времени большевиков человек не был столь глубоко и масштабно эксплуатируемым ресурсом.

²³ Ключевский В. Царь Иван Грозный // Иван IV Грозный. М., 2011. С. 30.

²⁴ Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 109.

Теперь, когда обозначены константы российского бытия – идеи империи, самодержавия и слияния власти и собственности (собственности/бессобственности), с их помощью можно попытаться взглянуть на цели и реальное содержание революции октября 1917 г. – вершины отечественного революционного процесса с 1905 до 1922 гг., т. е. от времени начала первой русской революции и до окончания гражданской войны, и на этой основе перейти к рассмотрению изменений в сфере культуры. То, что главное внимание будет уделено Октябрьской революции, объясняется тем, что именно в ней была предпринята наиболее последовательная попытка российские константы изменить, так и тем, что константы в очередной раз доказали свое «постоянство» и обнаружили свою алгоритмичную (предписывающую) природу.

Начатое Александром II дело изменения константы слияния собственности и власти впоследствии на первых порах успешно продолжалось П.А. Столыпиным. Разворачивающаяся в стране аграрная реформа, имевшая одной из главных целей освобождение от общинной зависимости значительной части активных хозяйствующих субъектов с возможностью обретения ими в частную собственность главного средства производства – земли, уже ко времени Первой мировой войны достигла впечатляющих результатов. 29 процентов хозяйств Центральной России (региона, в котором исторически существовало крепостное право и община, то есть население было в полной мере «бессобственно») с земельными наделами вышли из общины и еще свыше 30 процентов подали документы на выход. К этому же времени вето общины на выход из нее ее членов, прежде тормозившее ход реформы, было законом от 9 ноября 1906 г. отменено²⁵.

Как ответ на контрреформы Александра III, с конца XIX в. в стране стали происходить протестные студенческие, крестьянские и рабочие выступления, что подталкивало к изменению константы самодержавия. В итоге Манифестом 17 октября 1905 г. Николай II был вынужден согласиться на качественное изменение собственной безграничной власти введением гражданских свобод и созданием законодательного органа Государственной думы. Российская монархия приняла конституционную форму.

²⁵ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 228.

И, наконец, русско-японская, а потом и начавшаяся Первая мировая война для России были столь неуспешны, что еще до своего завершения обозначили начало территориального сокращения Империи, чем был нанесен удар и по имперской константе.

Тенденцию изменения или даже слома многовековых российских констант в разных формах планировали сформировавшиеся в стране политические силы. За исключением «октябристов», надеявшихся сохранить монархию в рамках конституции²⁶, остальные крупные политические силы не связывали будущее страны с самодержавием. Что же до константы собственности – власти, то в связи с идеей частной, государственной или общенародной собственности на землю как главного материального ресурса аграрной России позиции основных политических сил разделились: партии буржуазно-либерального толка выступали за частную собственность, социал-демократически настроенные эсеры – за общенародную, ленинцы – за государственную²⁷.

Совершенный большевиками 25 октября 1917 г. в Петрограде революционный переворот с последующим захватом власти и уничтожением в непродолжительном времени как политических противников, так и политических союзников (левые эсеры), а в дальнейшем – и активной части социальных слоев, их поддерживающих, позволяет говорить именно о Ленине и его соратниках как о главных авторах и деятелях революционного движения, начиная с этого времени и до окончания гражданской войны. Однако приступить к рассмотрению вопроса о попытке смены большевиками российских констант следует с их теоретических замыслов.

Представления Ленина о будущем страны после уничтожения констант самодержавия и власти – собственности/бессобственности изложены в ряде работ дооктябрьского и послеоктябрьского

²⁶ Близкие «октябристам» кадеты, как известно, с конца марта 1917 г. отказались от идеи конституционной монархии и после отречения Николая II стали выступать за демократическую парламентскую республику.

²⁷ Как известно, политическая конъюнктура вынудила большевиков накануне Октября принять, выдав за свою, эсеровскую аграрную программу. Однако это не помешало им последовательно в течение 1918–1922 гг. путем законодательных актов и прямого насилия вновь продвинуть идею «социалистического» (государственного) земледелия. Подробнее об этом см.: *Никольский С.А.* Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М., 1990.

периодов. Однако для рассмотрения проблемы, поставленной в данном тексте, довольно адресации к его главному труду по этому вопросу – книге «Государство и революция».

Центральная позиция книги – продолжение мыслей Ф. Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности и государства») и К. Маркса и Ф. Энгельса («Манифест коммунистической партии») – об уничтожении частной собственности посредством ее превращения в собственность государственную – «собственность нации», что ведет, по мысли Ленина, вначале к замене буржуазного государства государством диктатурой пролетариата. Впоследствии пролетарское государство отмирает, при этом «переходом от государства к не-государству» станет «организованный в господствующий класс пролетариат».

Адресуясь вслед за Марксом к опыту Парижской коммуны, Ленин предрекает разрушение всех элементов государства, в том числе и прежде всего – элементов государства самодержавного. И если первоначально служащие старого государства сохраняются и будут исполнять свои функции под контролем пролетариата, то потом чиновничество, судейские и полицейские чины будут заменены «выборными гласными» – представителями беднейших социальных слоев. Гласные – сменяемые в любое время и оплачиваемые по ставке не выше «заработка рабочего» – сконцентрируют в своих руках законодательную и исполнительную власть, а также сами станут исполнять контрольные функции. На смену армии и полиции должно прийти вооружение всего народа. Что же до дальней перспективы, то по мере перерастания социализма в коммунизм «будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественной *без насилия и без подчинения*»²⁸. Таким образом, согласно замыслу Ленина, константы самодержавия и собственность – власть будут уничтожены, поскольку они, в его понимании, являлись составными частями государства.

Стройность теории, претендовавшей на слом традиционных российских констант, тем не менее нарушалась неизменностью (а возможно, и усилением) ее третьего элемента – империи и имперского характера государства, который вступал в противоречие

---

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 83.

с логикой революционного процесса. Во-первых, Октябрь не мог ограничиться столицами и должен был быть распространен на всю страну²⁹. Во-вторых, продолжение Октябрьского переворота диктовалось логикой марксистской теории: согласно Ленину, нужно было переходить от буржуазно-демократической стадии революции к социалистической. По этой причине, ставя цель – внести революцию в деревню, то есть во всю провинциальную Россию, Ленин способствовал разжиганию в ней гражданской войны. Весной 1918 г. в деревнях были упразднены советы (в них не были избраны бедняки) и инициировано создание новой власти – комитетов деревенской бедноты, поддерживаемых частями созданной продовольственной армии. Развитие революции требовало ее распространения по всей империи, и, наоборот, сохранение империи требовало дальнейшего развития революции.

Но, возможно, наиболее сильным фактором, требовавшим сохранения и развития имперской формы правления, было то, что именно эта форма как нельзя лучше отвечала материализации следующей, после российской революции, цели большевиков – революции мировой. Отмеченные мной ранее признаки империи хорошо вписывались в логику мировой революции, если бы она состоялась. Так, имперский экспансионизм был условием, а также средством влияния и распространения на другие страны опыта и ресурсов русской революции. Сохраняющимися и требующими поддержания имперскими факторами были: значительная протяженность границ (особенно в условиях начавшейся иностранной военной интервенции и выступлений против большевиков в ряде окраинных территорий); многонациональность и поликонфессиональность населения; разные уровни хозяйственно-культурного и политического развития частей страны, которые уже были охвачены или могли быть охвачены революцией, в том числе и посредством ее «экспорта». В случае мировой революции востребована была бы и имперская простота властных форм, поддерживающих свою жизненность насилием. Не оставались невостребованными и имперские представления русских революционеров о личной особой миссии в мировой истории и такой же миссии у страны – родины пролетарской революции.

²⁹ Следует отметить, что, кроме всего прочего, этого требовал и опыт Парижской коммуны в ее противостоянии с крестьянской «вандеей».

Тема мировой революции как формы новой империи сразу после Октября и до конца 20-х годов была важной частью большевистского мировидения. Она, например, активно развивалась такими видными теоретиками большевиков, как Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский³⁰. Уже в 1920 г. в популярной книге «Азбука коммунизма» давалось развернутое толкование партийной программы, в том числе излагались темы мировой революции и будущего коммунистического устройства. Организационно на эту идею работал и созданный в марте 1919 гг. Коммунистический Интернационал, первые четыре съезда которого проходили в России ежегодно.

Намечаемый большевиками слом двух российских «констант» самодержавия и собственности – власти последовательно ставил вопрос об их замене. Вслед за Марксом и Энгельсом³¹, Ленин полагал, что в земледелии в силу неизбежной механизации производства мелкое частное крестьянское хозяйство естественно уступит место хозяйству крупному. Однако начиная с XX в., русская деревня шла другим – мелкотоварным и кооперативным – путем. Это же подтвердили и первые результаты Октября в аграрной сфере. Борьбаться за социализм в земледелии, отмечают Бухарин и Преображенский, партии большевиков приходилось «в самых неблагоприятных условиях». Почти вся земля крупного и среднего пахот-

³⁰ В состав высшего партийного руководства (позднее называемого Политбюро) Н.И. Бухарин был включен в 1918 г., а Е.А. Преображенский в 1920.

³¹ «Сельские рабочие, – писал Ф. Энгельс, – могут избавиться от своей ужасающей нищеты только при условии, если прежде всего земля, являющаяся главным объектом их труда, будет изъята из частого владения крупных крестьян и – еще более крупных – феодалов и обращена в общественную собственность, коллективно обрабатываемую товариществами сельских рабочих» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 419). Через десять лет после смерти Маркса Энгельс конкретизирует их совместные представления. По его мнению, меняя предмет деятельности, городские и сельские рабочие будут попеременно заняты на заводах и в полях. «Что касается рабочего времени, то нам ничто не мешает во время сева или уборки урожая и вообще всякий раз, когда необходимо быстро увеличить количество рабочей силы, ставить на работу столько рабочих, сколько потребуется. При 8-часовом рабочем дне можно установить две и даже три смены в сутки, даже если бы каждый должен был работать ежедневно только два часа – на данной специальной работе, – то, коль скоро у нас имеется достаточно людей, обученных для такой работы, можно установить восемь, девять, десять последовательных смен» (там же. Т. 39. С. 88).

ного землевладения перешла в пользование мелких самостоятельных хозяйств. «Советской власти удалось сохранить в своих руках лишь около 2 млн десятин земли советских хозяйств, в то время как в распоряжение крестьян одной частновладельческой земли перешло около 40 миллионов десятин»³².

Возродившаяся в новых условиях и принявшая кооперативную форму столыпинская политика фермеризации отечественного сельского хозяйства спустя время своим политическим следствием неизбежно привела бы к замене диктатуры пролетариата (диктатуры большевиков) – буржуазной демократией и парламентаризмом. Именно по этой причине сразу после Октября кооперация была объявлена Лениным «врагом номер один». Причин для этого было больше чем достаточно.

Начиная с XX в., кооперация развивалась высокими темпами. По оценке крупного отечественного аграрного историка В.П. Данилова, все формы кооперации объединяли к 1917 г. не менее половины крестьянских хозяйств и, соответственно, сельского населения³³, а к концу 1918 г. обслуживала уже три четверти населения страны³⁴, в том числе – 94 миллиона, или 82,5 процентов населения деревни³⁵.

Опыт огосударствления промышленности, торговли и банков предполагалось применить и в отношении кооперации. «Одним указом пролетарского правительства, – писал Ленин непосредственно перед Октябрем, – этих служащих (речь шла о работниках кооперации. – С.Н.) можно и должно перевести на положение государственных служащих... “Огосударствление” массы служащих... вещь вполне осуществимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом), и политически, при условии контроля и надзора Советов»³⁶. Поэтому сопротивление кооперативного аппарата должно было быть сломлено, а кооперация принять форму общенародной (государственной) собственности. Как же мыслилась дальнейшая работа «огосударственной» кооперации?

³² Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Пг., 1920. С. 164.

³³ Данилов В.П. Кооперация двадцатых годов: опыт становления // Человек и земля / Сост.: Р.С. Карпинская, С.А. Никольский. М., 1988. С. 190.

³⁴ Там же. С. 191.

³⁵ Кабанов В.В. Указ. соч. С. 59.

³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 308.

Ответ находим в набросках «Проекта декрета о потребительских коммунах», в котором Ленин предлагает принудительное поголовное объединение населения в потребительские общества с целью единообразной постановки дела снабжения. «Ячейкой должны быть потребительно-производительные (лучше закупочно-торговые) волостные союзы, играющие роль и комитетов снабжения и органов сбыта. Границы волостей могут быть изменяемы в случае надобности. ...В городах, может быть, подобное место заняли бы комитеты по кварталам или по частям улиц», что позволило бы в конечном счете организовать снабжение населения в «общегосударственном масштабе»³⁷. Продолжая движение с целью изменения константы собственности – власть, свои действия в отношении кооперации правительство ужесточало: кооперативные объединения распускались, имущество национализировалось, работники подвергались репрессиям.

На невыполнимость замысла «всеобщего учета и контроля» в соответствии с Декретом СНК «О потребительских коммунах» современники указывали еще в 1918. Так, например, отмечалось, что помимо замены казенных и частных лавочек государственными распределительными складами власти придется создать «густую сеть новых чиновничьих аппаратов в виде бесчисленных (Декретом преобразовывались 25 тысяч первичных местных кооперативных ячеек. – *С.Н.*) местных отделений народного (государственного) банка с весьма сложной канцелярской волокитой, обязанной обслуживать миллионы текущих счетов на пяток яиц, принесенных злополучной бабой, на блюдечко земляники, собранной деревенской девчонкой накануне праздника, на десяток пирожков с лотка горемычной торговки»³⁸. Тем не менее, вплоть до введения НЭПа, попытки коренным образом изменить константу собственности – власть продолжались.

---

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 206.

³⁸ Большевики у власти: социально-политические итоги октябрьского переворота. Пг.; М., 1918. С. 201–202.

Историки до сих пор спорят о том, случилась ли у Ленина «коренная перемена» взглядов на социализм, в частности в связи с его последними статьями, «О кооперации» в том числе³⁹. Как он понимал НЭП – как временное вынужденное отступление сроком до десяти лет или как основу нового строя?

К этим вопросам мне кажется важным добавить и те, которые связаны с настоящим текстом. А именно: насколько плодотворным мог оказаться в будущем слом привычной константы самодержавия? Как могла бы трансформироваться константа империи? Как по-новому могла бы выстроиться константа собственности – власти – собственности/бессобственности? Как прийти к состоянию, представленному, например, следующим образом: «Надо вернуть собственность собственничества к *собственности* вещей и их хозяина человека, к тому, что так манит сейчас всех, и меня тоже, от *несобственности* коллективного хозяйствования. Беда его была не в том, что оно должно было быть общим делом всего мира, а только в том, что собственно общества, собственно мира не было, не мерещилось и не ночевало: общий мир был перечеркнут, растоптан *справедливой* войной против собственничества, которая, однако, мгновенно вывернулась прямо в руках людей из рук людей, стала неправой войной на вытравливание всего *собственного*, тиранией сознания, подменявшего, подставлявшего, назначавшего мир в распоясавшемся принятии мер»⁴⁰?

Впрочем, такого рода вопросы – предмет другого исследования. Что же до определения того положения, к которому константы российского бытия подвели страну после завершения периода революционного процесса и тем более к «эпохе сталинизма», то заключение, на мой взгляд, может быть следующим. Изменить или

³⁹ В марте 1922 г. на XI съезде РКП(б) Ленин говорил то, что маловероятно было услышать от него, например, за год до этого. Он как бы призывал настроенных в духе «военного коммунизма» товарищей по партии осознать тот очевидный факт, что «...в народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает». В частности, «...необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112, 86).

⁴⁰ *Бибихин В.В.* Указ. соч. С. 100.

хотя бы несколько модифицировать константы отечественного бытия Октябрьской революции не удалось. Каждая из них – империя, самодержавие, собственность – власть в результате революционных процессов приняли новые, в некоторых отношениях еще более жесткие формы, чем были столетиями ранее или даже в начале XX в. И вопрос об их изменении или принципиальной неизменности остается открытым до сих пор.

Глава 3. Люди накануне революции и в ней *Антон Чехов, Евгений Замятин,* *Борис Пильняк, Александр Блок*

Октябрьская революция не сменила константы российского бытия. Более того, совершившись в империи и движимая людьми с прежним или новым – революционным – имперским сознанием, она не могла не воспринять их исторически сформированных характерных черт. Черты эти в форме смыслов и ценностей фиксировались, обнаруживались и подвергались философско-художественному осмыслению русскими писателями конца XIX – начала XX вв.

* * *

Главные герои А.П. Чехова – русский мир глубинной России – уездная интеллигенция, помещики и крестьяне. Именно через них он пытался дать представление о мирознании народа, который спустя несколько десятилетий ввергся в катаклизм русской революции. Если же выделить в народе его основную часть – земледельцев, то главным вопросом, поставленным перед ними фактом отмены крепостного права, был вопрос «что делать и как жить дальше», вопрос о жизни в условиях объявленной сверху свободы, об основах и способах ее утверждения в обществе⁴¹.

⁴¹ Об этом отличии России от Европы Герцен отзывался так: «Народы Европы вложили столько души в прошлые революции, пролили столько своей крови, что революции эти всегда у них в памяти и человек не может сделать шагу, не задев своих воспоминаний, своих фюзросов (традиций. – С.Н.)». Напротив,

Отмена крепостного права оказалась не только одним из самых значительных, но и наиболее трудно переживаемым историческим явлением. Время это описывается многими литераторами. Однако, в отличие от настроенных скептически или религиозно-идеалистически, Чехов считал, что изменения общественной жизни, ведущие к еще большей свободе, должны произойти довольно скоро. Так, по наблюдению М. Горького, сделанному в ноябре 1901 г., он (Чехов) полагал, «что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах и лет через десять – пятнадцать додерутся до конституции»⁴².

Что же фиксирует Чехов в мирознании русского земледельца – помещика и крестьянина – в отведенное ему историей время наблюдения – от начала восьмидесятых годов XIX столетия до кончины в 1904 г.?

Что касается первоосновы мирознания земледельца, то Чехов наследует традицию, основанную еще Пушкиным, Тургеневым и Гончаровым. Как и его великие предшественники, он развивает мысли о глубинной связи (подчас – неразрывности, даже слитности) крестьянина, а часто и помещика с природной средой и их зависимость от собственной природы – власти страстей. Чехов фиксирует, что в этой сфере русский земледелец меньше всего подвергся окультуриванию и очеловечиванию, что он, как и его далекие предки, по-прежнему архаичен, неотделим от природного бытия, сопряжен лесу, реке, полю, подчинен живущим внутри него необоримым силам. Обратимся к нескольким чеховским текстам.

Небо и земля столь тесно соединены друг с другом, что два пастуха, стерегущие в ночной степи овец (рассказ «Счастье»), как бы втиснуты между ними: старик лежит, положив локти на пыльные листья подорожника, а «над самым лицом» лежащего рядом молодого парня «тянулся Млечный путь и дремали звезды»⁴³.

Господство природы над человеком Чехов отчетливо видит в проявлениях человеческих страстей, таких как, например, страсть к охоте. В рассказе «Рано!» старик Филимон Слюнка и Игнат Ря-

---

«...русская история была историей развития самодержавия и власти» (*Герцен А.И. О развитии революционных идей в России.* URL: http://az.lib.ru/g/hercen_a_i/text_0360.shtml (дата обращения: 27.03.2017).

⁴² *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 28. М., 1954. С. 199.

⁴³ Там же. Т. 6. С. 210.

бов сидят в трактире и просят у хозяина дать им на время ружье Слюнки, которое тот заложил за давно пропитый рубль. Когда уговорить трактирщика не удается, охотники без ружья все же идут к лесу и там, на опушке, «стоят как вкопанные, молчат, не шевелятся, и руки их постепенно принимают такое положение, как будто они держат ружья с взведенными курками...»⁴⁴.

Ощущение единства с природным целым не покидает крестьянина и тогда, когда он волею судеб оказывается в другом социальном статусе, как, например, отправленный умирать домой бывший крестьянин, а теперь бессрочноотпускной солдат из рассказа «Гусев». Гусев плывет на пароходе, и возникающие у него новые ощущения требуют осознания. Пароход сильно качает, и Гусев воображает себе, что судно наскочило на рыбину, а бьющие в его бока ветры – как злые собаки, которые были прикованы где-то цепями, но теперь с цепей сорвались. Когда солдат засыпает, эти образы постепенно сменяются деревенскими, наполненными не только родными лицами, но деревьями, травами, животными. В полузабытьи Гусеву кажется, что за бортом парохода стоят быки и лошади. Они живые и тянутся к человеку. А вот море и пароход – бессмысленные и жестокие создания. Железное чудовище беспощадно режет миллионы волн, а море, будь у него силы, сожрало бы пароход. Ориентированное на природу мирознание пронизывает все существо героя рассказа, и чтобы подчеркнуть это, автор замечает, что, когда солдат умирает, его зашивают в мешок и он «становится похожим на морковь или редьку: у головы широко, к ногам узко...»⁴⁵. Брошенное в воду тело принимается обитателями морских глубин совершенно спокойно, как естественная часть их мира, и даже наткнувшаяся на тело акула лениво играет с ним, прежде чем начать рвать зубами. Создается впечатление, что этот мало что понимавший при жизни человек, к тому же выдернутый, подобно овощу, из родной почвы, как при жизни, так и в конце своего бытия, употребляется для какой-то неизвестной, чуждой ему, но неизмеримо более масштабной и значимой цели. Да и о человеке как таковом здесь вряд ли можно говорить. Гусев – скорее, частица, на время изъятая из природного целого и по прошествии времени в это целое возвращаемая.

⁴⁴ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. С. 116.

⁴⁵ Там же. Т. 7. С. 338.

Отношения крестьян и помещиков между собой вскрывают не менее значимый мировоззренческий пласт, чем отношения с природой, – именно здесь обнаруживаются наиболее важные, связанные с практической деятельностью, проявления человека. Конечно, описываемое Чеховым время внесло существенные коррективы в дореформенные отношения, однако того, что называлось пережитками крепостных порядков, и в это время было вполне достаточно. По наблюдениям Чехова, не только помещики, но и сами крестьяне часто не были готовы к тому, чтобы эти отношения менять. Возле деревни Обручановой (рассказ «Новая дача») строят большой мост. Строитель инженер Кучеров, которому приглянулись здешние места, перевозит сюда семью и строит дом, прозванный крестьянами «новая дача», а живущие в нем новыми господами. Основная масса крестьян – народ смиренный и бесшумный. В то же время «негативно ориентированное», темное, подпитываемое в основном памятью о прошлых обидах, крестьянское самосознание дает о себе знать. Поэтому уразумев, что «новые господа» на господ не совсем похожи – и жена инженера из бедной семьи, и инженер не штрафует крестьян за их проступки, не мстит им, а вызывает к их совести и идеалам добрососедства, – крестьяне не находят в себе сил их принять. Со своей стороны, и инженер не понимает, что в крестьянстве еще не сформирован адресат его проповеди – нравственная, выделившаяся из «роевого» общинного целого, самостоятельная и ответственная личность.

После отъезда семьи инженера в Москву мужики думают, почему же они не ужились вместе и расстались как враги? «Что это был за туман, который застилал от глаз самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи и все мелочи, которые теперь при воспоминании кажутся таким вздором?»⁴⁶. Чехов перечисляет «мелочи», которые застилали глаза инженеру, но ничего не говорит о том, почему крестьяне не замечали добра. Или, может, действительно, крестьянам нужно было время, чтобы привыкнуть, а у новых господ терпения не достало?

Рассказ «Новая дача» – о столкновении двух миров. При этом особая его значимость с точки зрения темы – люди накануне и в Октябре – не столько в том, что в нем описывается крушение конкретной попытки их (этих миров) взаимосогласования, сколько в

⁴⁶ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 10. С. 127.

том, что обозначается верный – но не революционный – путь: терпение и последовательное действие более сильной стороны, что повлияет и позволит измениться стороне более слабой.

Рассказ «Мужики» относится к одному из последних, если не к последнему из кругов чеховского «деревенского ада». Ад этот полнее жизни при крепостном праве, о котором чеховские крестьяне не только вспоминают с ностальгией, но и резонно отмечают, что на место исчезнувших порядков не пришли новые, что стало причиной сегодняшнего нестроения. «При господах было лучше, – говорил старик. ...И работаешь, и ешь, и спишь, все своим чередом. В обед щи тебе и каша, в ужин тоже щи и каша. ...И строгости было больше. Всякий себя помнил», господа «злых наказывали розгами», а «добрых награждали»⁴⁷.

Как бы дойдя до самой последней точки своих бытописаний и не выдерживая долее их ужасов, Чехов выносит свое заключительное суждение о деревне и мужиках. «В течение зимы и лета бывают такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боясь и подозревая друг друга. Кто держит кабак и спаивает народ? Мужик. Кто растрчивает и пропивает мирские, школьные, церковные деньги? Мужик. Кто украл у соседа, поджег, ложно показал на суде за бутылку водки? Кто в земских и других собраниях первый ратует против мужиков? Мужик. Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся так же отвратительно; самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит “ты” и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?»⁴⁸

⁴⁷ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 9. С. 299.

⁴⁸ Там же. С. 311–312.

Пройдет менее двадцати лет, и эти крестьяне войдут в русский бунт Октября и последующую гражданскую войну. Итожа русскую историю, А.И. Герцен допускал совсем печальный ее поворот: «Долгое рабство – факт не случайный, оно, конечно, отвечает какой-то особенности национального характера. Эта особенность может быть поглощена, побеждена другими, но может победить и она. Если Россия способна примириться с существующим порядком вещей, то нет у нее впереди будущего...»⁴⁹

Тема положительного героя, человека труда, делающего реальное полезное дело как препятствие к сползанию в революционную бездну, а может, и избежание ее – одна из ведущих для пьес «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад» – вершин чеховского творчества, в которых, как выразился писатель в одном из писем, он пытался понять, как «социальные условия весну отбирают»⁵⁰.

Общее для всех пьес настроение – ожидание ухода, отъезда, оставления прежнего привычного мира с его делением на господ, как правило – бездельников, и обслуживающего их и почти не представленного в пьесах крестьянского мира. Действие разворачивается на фоне именно этих предотъездных ожиданий, ориентаций героев на то, что на новом месте им предстоит начинать новую жизнь. Переживаемые героями ожидания смены места жизни обуславливают предметность их разговоров о том, как они жили и собираются жить в дальнейшем.

В отличие от этих людей «старого времени», как правило, не умеющих и не желающих трудиться, предприниматель Ермолай Лопухин – человек дела. Этим образом Чехов исследовал возможность установления так и не возникшей в действительности связи между реальной самодержавной Россией и Россией будущей – буржуазно-демократической. Согласимся, что если бы такая связь возникла и такой переход состоялся, то дело до большевистского переворота не дошло: для него не нашлось бы почвы, как не нашлось для него почвы в буржуазных демократиях Европы. Впрочем, и Чехов понимал это, дворянство как элемент самодержавия в России было столь развращено крепостническими порядками, что сама идея трудиться казалась ему абсурдной. И потому протянутая

⁴⁹ Герцен А.И. Указ. изд. С. 148.

⁵⁰ Турков А.М. Чехов и его время. М., 2003. С. 56.

дворянству лопахинская рука повисает в воздухе. «Сейчас уедем, и вы опять приметесь за свой полезный труд», – иронизирует в финале в разговоре с Лопахиным Петя Трофимов.

«Позитивные» чеховские герои – рабочий Мисаил Полознев, торговец Семен Александрович Варламов, адвокат Михаил Подгорин, садовод Егор Семенович, священник Яков, земский врач Астров, предприниматель Ермолай Лопахин – за редким исключением, почти все «черной кости», потомки «чумазых». Именно они – строители нового мира, о котором так страстно мечтали три сестры.

Завершая анализ чеховских произведений с точки зрения природы русского человека накануне Октября, приведу важное наблюдение писателя из редкого для его творчества публицистического документа «Наше нищенство». Как отмечает Чехов, в самодержавной России, в которой на протяжении всей истории не было полноценной частной собственности, естественно, отсутствует и уважение к ней. Следствием этого стала «привычка не уважать чужой труд». Научиться «уважать чужой труд и чужую копейку»⁵¹ – в этом Чехов видит одну из важнейших общественных задач. И поскольку эти качества не могут быть отнесены к обществу с отношениями крепостной зависимости, главное внимание Чехов сосредотачивает на высвобождении человека из состояния несвободы, на «позитивном» труде как главном инструменте и средстве этого освобождения.

Должен ли был заниматься этими вопросами писатель? Безусловно, да. «Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, – писал А.И. Герцен, – это полное и пылкое отречение от наших ошибок, эта исповедь, полная ужаса перед прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, и есть наша надежда, наше спасение...»⁵²

* * *

В отличие от многих, Е.И. Замятин понимал, что революция не приведет к скорому «с сегодня на завтра» одолению «свинцовых мерзостей жизни», поскольку совершается теми же людьми, которые жили в стране десять, двадцать и более лет назад с не-

⁵¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 16. М., 1985. С. 241.

⁵² Герцен А.И. Указ. изд. Т. 2. С. 152.

избежной поправкой на усталость и расчеловечивание, вызванные участием в Первой мировой войне. Каковы же это были люди, увиденные глазами писателя?

Наверное, одно из самых сильных его дооктябрьских произведений – повесть «На куличках» – об офицерах и солдатах расположенного на краю страны (на Дальнем Востоке) гарнизона русской армии. В нем, за исключением недавно прибывшего из Тамбова «к чертям на кулички» поручика Андрея Ивановича Половца и еще одного-двух служилых, пожалуй, нет людей, к которым читатель мог бы проникнуться безоговорочной симпатией. Начиная от начальника гарнизона – генерала-казнокрада, обжоры и похотливца, и кончая последним тупым денщиком с рыбьими глазами, все это одетые в мундиры гоголевские типы, стоящие на нижних ступенях социальной лестницы. Кроме попок и карточных забав (при том, что играть в азартные карточные игры они не могут – слишком много среди них шулеров), объединяет их привычка жить, как живут в «болоте» – с его неизбежной грязью и постоянным туманом.

Чавкает под ногами грязь – так чавкает, вот-вот человека проглотит.

И глотает. Нету уж сил карачиться, сонный тонет человек и, засыпая, молит: “Ох, война бы, что ли... Пожар бы, запой бы уж, что ли...” Чавкает грязь. Гиблые бродят люди по косе, уходящей в океан⁵³.

Кроме попок и половой распущенности объединяют обитателей гарнизона и время от времени совершающиеся убийства «манз» – местных китайцев. Вот одно – пример офицерской «забавы».

– Ну, что ж, господа, жребий?

Кинули жребий. Выпал орел четверым: Шмиту, Молочке, Тихмению, Нестерову. Отчего-то розовость Молочкова мигом полиняла.

– Я бросаю! – крикнул Шмит и кинул за окно большой, весело сверкнувший золотой.

На раскрытом окне опущена и парусом вздувается штора. Стали у окна попарно – справа и слева, вынули револьверы, вытянулись, ждали. Резкий, кованный профиль Шмита, острый, выдвинутый вперед подбородок, закрытые глаза...

⁵³ *Замятин Е.И.* На куличках. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0020.shtml (дата обращения: 27.02.2017).

– Но зачем же они... – поднял было голову Андрей Иванович: ничего не понимал. На него цыкнули: притих. У всех были красные, дикие глаза, с прозеленью лица: может, от бессонной ночи. Вихрились какие-то несуразные обрывки слов в головах. Лили в себя спирт. Сердце – в нестерпимых, сладко-мучительных тисках. Плыл вверх солнечный квадрат на белой занавеске. Все так же молча сидели. Не знал никто: час прошел, или два, или... Шаги по тротуару под окном. Какая-то одинаковая у всех судорога – и четыре нестройных, вразброд, выстрела. Вскочили, взбудораженно загалдели, все кинулись к окну. У самой стены лежал на спине в ватной синей кофте манза: нагнулся, было, за новеньким золотым. Но поднять, должно быть, не успел⁵⁴.

Что описано – из ряда вон выходящее или типичное? За изображение «в самом отталкивающем виде» русской армии военный суд назначил писателю ссылку.

«Особенно впечатляет, – отмечает современный исследователь, – массовый герой. Он представлен чаще всего в сценах офицерских собраний, в частности, в одной из самых ярких и драматически напряженных – в главе “Человечьи кусочки”. Не люди, а “человечьи кусочки”: головы, руки, носы. ...”Кто-то запел, потихоньку, хрипло, завыл, как пес на тоскливое серебро месяца. Подхватили в одном конце стола и в другом, затянули тягуче, подняв головы вверх. И вот уже все заунывно, в один голос, воют по-волчьи... Заколдовал бессмысленный, как их жизнь, бесконечный круг слов, все выли и выли, поднявши головы”. Многозначительная сцена. Может быть, нарочито противопоставленная Замятиным тургеневским “певцам”»⁵⁵. В самом деле: у Тургенева каждый певец – особая индивидуальность и даже целый мир, в то время как у Замятина – вой издает, выдавливая из себя однородная «человеко-масса».

У Замятина «человеко-масса» представлена в состоянии до, во время и после Октября. При том что глубина «времени до» – безмерна. В подтверждение – далекая от тягот армейского бытия история, воспроизводящая сюжет лесковской «Леди Макбет Мценско-

⁵⁴ *Замятин Е.И.* На куличках. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0020.shtml (дата обращения: 27.02.2017).

⁵⁵ *Полякова Л.В.* Повесть Е. Замятина «На куличках»: опыт прочтения // Е.И. Замятин: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Евгения Замятина в оценках отечественных и зарубежных исследователей. СПб., 2014. С. 647.

го уезда». Молодая жена отправляет на тот свет многими годами превосходящего ее мужа ради молодого любовника. Да и родители ее – из «старого мучного рода, кержацких кровей», век свой кончили не как филистеры европейские: «поехали масленицей однажды кататься. Лошади были – не лошади: тигры, да и что греха таить – шампанского лошадям для лихости по бутылке подлили в пойло. И угодили сани с седоками и кучером – прямо в весеннюю прорубь. Добрый конец!»⁵⁶. Название этой истории подчеркивает не особый, уникальный ее характер. Название – древнее, как сама история, – «Русь».

Или рассказ «Алатырь». Имя уездного городка и векового замшелого камня. Зарисовка его жизни с почти анекдотическим замесом на внедрение вместо русской речи всемирного языка «эсперанто» – для объединения всего человечества. Замысел из того же ряда, что и мировой коммунизм. Но в основе – как и в повести «На куличках» или в «Руси» – замятинское подчеркивание одинаково-однородного: общий вой, общее злодейство, общий язык. Отсюда – прямая дорожка к общим задачам-целям и одинаковым людям-«номерам» в романе «Мы». Все это – про прошлую и будущую Россию.

А чем не национальный тип Анфим Барыба, герой повести «Уездное». Знакомится с ним читатель, когда Анфим – вечно голодный гимназист-второгодник за булку на потеху товарищам зубами разгрызает камни. Но очень скоро, совершив многие подлости и непотребства, становится урядником. Или рассказ 1918 г. – «Дракон»: на площадке промерзшего трамвая плюгавый малорослый красноармеец со ртом – «дырой в тумане» повествует, как штыком отправил в царствие небесное конвоируемого им человека – «морда интеллигентная – просто глядеть противно». Этот человеческий тип – исключение или правило? А людоеды-арапы из одноименной сказки?

Что говорит о жителях страны Замятин? Что они одинаково патриархальны, неразвиты, иногда – полудики, что жить им, собственно, не для чего. Что свое желание, привычка, свое своевольное чувство для них превыше всего, что ради потворства ему они готовы на все, им ничего не боязно и ничего не жаль. Что жизнь – своя ли, чужая – тем более – копейка, потерять которую – пустяк.

⁵⁶ Замятин Е. Русь. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0020.shtml (дата обращения: 20.02.2017).

«Военный коммунизм» как первоначальный замысел большевизма, по-видимому, стал для Замятина решающим. Воспринять этот замысел и начать борьбу за его воплощение могли лишь люди, увиденные Замятиным еще в царской России. И эти люди по своей либо по чужой воле сделались участниками революции. Чего было ждать от них? Прагматик-Ленин, инициировавший «военный коммунизм» при той обязательной, на мой взгляд, оговорке, что он был не только «революционной мечтой», но и ответом на состояние и отчасти сопротивление общества, то есть в определенной мере политикой вынужденной, наличное качество русского человека, качество «человеко-массы», видел прекрасно. Считал ли он это недостатком? Вряд ли. Скорее – достоинством человеческого материала. Из однородного, наверное, мнилось ему, легче строить, легче управлять, тиражировать. И лучшая для этого форма – основанная на насилии, самодержавии и всеобщей бессобственности – коммунистическая империя. Сомневался ли Ленин периода «военного коммунизма» в том, что делал? Нет. Помимо логики засасывающей каждодневной борьбы, он был ослеплен верой в то, Маркс открыл «единственно верный» путь (вспомним: «Учение Маркса всеильно...»), возможность встать на который при умелой политике у большевиков была. Сомнения, если они и возникли, появились позже, когда сил что-либо изменить уже не стало⁵⁷.

---

⁵⁷ Один из ярких примеров такого рода – статья января 1923 г. «О кооперации», в которой Ленин коренным образом пересматривает свое к ней отношение времен «военного коммунизма» – переходит от идеи и практики разрушения кооперации как гражданской структуры, соперничающей с диктатурой государства, к мыслям о «допущении» самоорганизации хозяйствующих субъектов и капиталистического хозяйства в деревне.

На творчество «попутчика» советской власти Б.А. Пильняка, расстрелянного в 1938 г.⁵⁸, я бы предложил смотреть как на органическое продолжение творчества его современника Е.И. Замятина. Прежде всего это относится к идее показать революцию в ее вызревании и последующем бытии в народной среде.

Мысль о «продолжении» вряд ли встретила бы несогласие у самого автора «Повести непогашенной луны». Ведь свой писательский труд он всегда сопрягал с трудом своих великих литературных современников. «Я вышел из Белого и Бунина», – говорил он. И продолжал: «...нам выпало делать русскую литературу соборно, и это большой долг»⁵⁹.

Позиция Пильняка – «спокойного философствующего созерцателя» – не только раскрывалась анализирующими его творчество исследователями, но и заявлялась им самим: «...Признаю, что коммунистическая власть в России определена – не волей коммунистов, а историческими судьбами России, и, поскольку я хочу проследить (как умею и как совесть моя и ум мне подсказывают) эти российские исторические судьбы, я – с коммунистами, т. е. поскольку коммунисты с Россией, постольку и я с ними (сейчас, в эти дни, стало быть, больше, чем когда-либо, ибо мне не по пути с обывателем); признаю, что мне судьбы РКП гораздо меньше интересны, чем судьбы России, РКП для меня только звено в истории России»⁶⁰.

Проза Пильняка – «самого рационалистического писателя нашего времени», как его характеризовал современный ему критик, – натурализация и одновременно последовательное разложение дей-

⁵⁸ На его смерть откликнулась Анна Ахматова: «Все это разгадаешь ты один... / Когда бессонный мрак вокруг клокочет, / Тот солнечный, тот ландышевый клин / Врывается во тьму декабрьской ночи. // И по тропинке я к тебе иду. / И ты смеешься беззаботным смехом. / Но хвойный лес и камыши в пруду / Ответствуют каким-то странным эхом... // О, если этим мертвого бужу, / Прости меня, я не могу иначе: / Я о тебе, как о своем, тужу / И каждому завидую, кто плачет. // Кто может плакать в этот страшный час / О тех, кто там лежит на дне оврага... / Но выкипела, не дойдя до глаз, / Глаза мои не освежила влага».

⁵⁹ Пильняк Б.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2: Машины и волки. М., 2003. С. 2.

⁶⁰ Цит. по: Коварский Н.А. Свидетельское показание // Мастера современной литературы. Т. III. Л., 1928. С. 80.

ствительности на составные части, что с неизбежностью ведет к ее дегероизации. Действительность у Пильняка – это и безразличная к людям природа, оттеняющая собой всю искусственность революционного предприятия, и муть зловонного болота быта и бытия, в которые революционное действие привносится. Реальность (Россия) вечна, в то время как революция (РКП) сиюминутна и искусственна. О постоянном порядке вещей, к примеру, следующее характерное рассуждение.

Как заложились государство наше Великороссия? – начало истории нашей положено в разгроме Киевской Руси, – от печенегов таясь, от татар, от при и междоусобья княжеских, в лесах, один на один с вельями и чудью, – в страхе от государственности заложились государство наше, – от государственности, как от чумы, бежали! Вот! А потом, когда пришла власть, забунтовали, засектантствовали, побежали на Дон, на Украину, на Яик. Не потому ли, не потому ли несла Великороссия татарщину татарскую, а потом немецкую татарщину, что не нужна она была им, ей в безгосударственности ее, в этнографии? – не нужна. Побежали на Дон, на Яик, – а оттуда пошли в бунтах на Москву. И теперь – дошли до Москвы, власть свою взяли, государство строить свое начали, – выстроят. Так выстроят, чтобы друг другу не мешать, не стеснять, как грибы в лесу. Посмотри на историю мужичью: как тропа лесная – тысячелетие, пустоши, починки, погосты, перелогы – тысячелетие. Государство без государства, но растет как гриб. Ну, а вера будет мужичья. По лесам, по полям, по полянам, тропами, проселками, тогда из Киева побежав, потащились, и – что, думаешь, с собой потащили? – песни, песни свои за собой понесли, обряды, пронесли через тысячелетие, песни ядреные, крепкие, веснянки, обряды, где корова – член семейства, а мерин каурый – брат по несчастью; вместо пасхи девушек на урочищах умыкали, на пригорках в дубравах Егорию, скотьему богу, молились. А православное христианство вместе с царями пришло, с чужой властью, и народ от него – в сектантство, в знахари, куда хочешь, как на Дон, на Яик, – от власти. Ну-ка, сыщи, чтобы в сказках про православие было? – лешаи, ведьмы, водяные, никак не господь Саваоф.

И серенький попик хитро хихикает, хитро смеется и говорит уже в смехе, с глазами, сощуренными в бороде:

– Видишь, краюху? – носят! Вот! Хи-хи! Ты мне внучек? Никому не говори. Никому. Все в Истории моей сказано. Мощи вскрывали – солома?.. Слушай, вот. Сектанты за веру на костер

шли, а православных в государственную церковь за шиворот тащили: – как там хочешь, а веруй по-православному! А теперь пришла мужицкая власть, православие поставлено как любая секта, уравниены в правах! хи-хи-хи!.. Православная секта!.. и-ихи-хи-хи-хи... В секту за шиворот не потащишь!.. Жило православие тысячу лет, а погибнет, а погибнет, – ихи-хи-хи! – лет в двадцать, вчистую, как попы перемрут. Православная церковь, греко-российская, еще при расколе умерла, как идея. И пойдут по России Егорий гулять, водяные да ведьмы, либо Лев Толстой, а то гляди и Дарвин. По тропам, по лесам, по проселочкам. А говорят – религиозный подъем!.. Видишь, краюха?.. – носят те, что на трех китах жили, православные христиане из пудовых свечей, – да носят-то все меньше и меньше. Я вот, православный архипастырь, пешочком хожу, пешочком, ихи-хи-хи!..

Что же такое религия, владыко?

Идея, культура, – отвечает попик, уже не хихикая.

А бог?

Идея. Фикция! – и попик вновь хихикает хитро. – Владыко, пресвященный, говоришь? – из ума выживаю?.. из ума... восьмой десяток!.. не верю!.. Будет, поврали! понабивали мощи соломой!.. Ты – внучек?

Владыко! – и голос Глеба дрожит больно, и руки Глеба протянуты. Ведь в вашей речи заменить несколько слов словами – класс, буржуазия, социальное неравенство – и получится большевизм!.. А я хочу чистоты, правды, – бога, веры, справедливости непреложной. Зачем кровь?..

А, а, без крови? – все кровью родится, все в крови, в красной! И флаг красный! Все спутал, перепутал, не понимаешь!.. Слышишь, как революция воеет – как ведьма в метель! слушай: – Гвиууу, гвиууу! шооя, шоооя. гаау. И леший барабанит: – гла-вбум! гла-вбу-умм!.. А ведьмы задом-передом подмахивают: – кварт-хоз! кварт-хоз!.. Леший ярится: – нач-эвак! нач-эвак! хму!.. А ветер, а сосны, а снег: – шооя, шоооя, шооя. хмууу. И ветер: – гвиууууу. Слышишь?⁶¹.

Чужды друг другу, а вместе и природе те, кто затеял революцию, кто взялся переменить жизнь. Нет в них сопричастности к действительности, желания и намерения понять ее и, не ломая, переменить дурное на доброе. Да и Россия, предназначенная к переделке, безмерна. Вся она – «бесконечное, в зное

⁶¹ Пильняк Б. Голый год. М., 1922. С. 35–36.

засохшее пространство с полосатыми верстами, мимо которых мчались до Петербурга чиновники». И точно таким же остается оно после свершения революции. «...Первый поезд, который остановился около самого Ордынина, – это был революционный поезд. С ним вернулся в Ордынин Донат, полный (недоброй памяти!) воспоминаний юношества, полный ненависти и воли. Нового Донат не знал, Донат знал старое, и старое он хотел уничтожить. Донат приехал творить – старое он ненавидел. В дом к отцу Донат не пошел.

По древнему городу, по мертвому Кремлю ходили со знаменами, пели красные песни, – пели песни и ходили толпами, когда раньше древний, канонный купеческий город, с его монастырями, соборами, башнями, обульженными улицами, глухо спал, когда раньше жизнь теплилась только за каменными стенами с волкодавами у ворот. Кругом Ордынина лежали леса, – в лесах загорались красные петухи барских усадеб, из лесов потянулись мужики с мешками и хлебом»⁶².

Но чужды революционеры не только природе, но друг другу и, наверное, каждый – себе. Литературный критик, современник Пильняка, отмечал, что это состояние чуждости автор передает стилем, манерой изложения и изображения героев. «Так и англичанин Смит, “в сущности”, лишь сюжетный знак англичанина, Архипов – условный знак большевика (“кожаная куртка”), а Трубецкой – князя эмигранта, Лиза Калитина – девушки, (“как березовая горечь в июне”), а Оленька Кунц – сов-барышни (“О. Ку... и палочки и хвостик”) и т. д. и т. п.». И еще: «Это даже не плоскостные неподвижные депсихологизованные герои почти всей современной прозы, а тени героев, элементарные алгебраические знаки, взятые в самом абстрактном плане. Это – недифференцированные, безразличные персонажи, знакомые незнакомцы, идущие от литературы, восприятие которых должно быть подсказано, дополнено всей литературной массой эпохи, даже предыдущих эпох»⁶³. Лиза Калитина, например, носящая имя героини тургеневского «Дворянского гнезда», приданной ей автором ассоциативностью «встраивает» читателя в контекст русской классики XIX столетия, в «мир до»

⁶² Пильняк Б. Голый год. М., 1922. С. 11.

⁶³ Гофман В. Место Пильняка // Мастера современной литературы. Т. III. Л., 1928. С. 18–19.

революционного обвала. И это, по мысли критика, выполняет ту же роль, какую выполняют диапозитивы, сопровождающие научно-популярную лекцию.

В самом деле, Пильняк говорит свое слово как сторонний наблюдатель, не агитирующий и не сопереживающий, а лишь составляющий протокол действительности и предоставляющий читателю право «домышлять», делающий свои тексты антипсихологичными. Иногда автор и вовсе прямо отсылает читателя к реальным фактам: «остальное я предлагаю читателю узнать у историков. Вот адреса...».

Впрочем, иногда Пильняк все же не чужд «домышления», делая это посредством «сгущения» приводимых фактов (документов), тем самым акцентируя внимание читателя и подспудно передавая, делая явным, свое к ним отношение⁶⁴. «Россия. Революция. Да. Пахнет полынью – живой и мертвою водою? – Да!.. Все гаснет? нет путей? Да... Вспомните русскую сказку о живой и мертвой воде. Дурачок Иванушка совсем погиб, у него ничего не осталось, ему нельзя было даже умереть. Дурачок Иванушка победил, потому что с ним была правда, правда кривду борет, вся кривда погибнет. Все сказки заплетаются горем, страхом и кривдой – и расплетаются правдой. Посмотрите кругом – в России сейчас сказка. Сказки творит народ. Революцию творит народ; революция началась как сказка. Разве не сказочен голод и не сказочна смерть? Разве не сказочно умирают города, уходя в семнадцатый век, и не сказочно возрождаются заводы? Посмотрите кругом – сказка. Пахнет полынью – потому что сказка»⁶⁵. Но вместе с тем, мир в чем-то (посредством явления революции) переменялся: «Записки охотника» надо было бы написать наново», – замечает Пильняк.

В полной мере примером авторского «домышления» посредством «сгущения» приводимых фактов может считаться «Повесть непогашенной луны». В ней, как известно, в иносказательной форме дана ходившая по стране версия убийства Сталиным Фрунзе.

⁶⁴ В особенности полно этот прием, на мой взгляд, будет использован и сработает на программируемый автором результат в «Повести непогашенной луны». Недаром, несмотря на все комментарии и публичные отречения автора от прямых аналогий с убийством М. Фрунзе, Пильняку в его «иносказательности» никто не поверил.

⁶⁵ Пильняк Б. Голый год. М., 1922. С. 43.

Как коррелируется этот текст с предложенным мной тезисом о неизменности в российской действительности характерных для нее «констант», в том числе – в конкретном проявлении воли самодержца, вольного, как говорил Иван Грозный, своих холопов миловать и казнить?

Самое широкое обобщение, формулируемое писателем, на мой взгляд, состоит в предзаданной обреченности, в нивелировке любого своевольного проявления любого – даже природного – явления, если оно оказывается во власти явления более мощного. «В салоне, потому что опущены были занавеси и горело электричество, застряла ночь. В салоне, потому что поезд пришел с юга, застрял этот юг: пахло гранатами, апельсинами, грушами, хорошим вином, хорошим табаком, – пахло хорошим благословением полуденных стран.

...Приходил ко всему на свете равнодушный проводник, убрал со стола; бутылки поставил куда-то в угол; смел на подносик корки гранатов, – постелил на стол скатерть, поставил на нее одинокий стакан в подстаканнике, тарелку с черствым хлебом, рюмку для яиц; принес на тарелочке два яйца, соль, пузыречки с лекарствами; отогнул угол портьеры, посмотрел на утро, – раздвинул портьеры на стеклах окон, шнурки портьер прожикали сиротливо, – потушил электричество: и в салон залезло серое, в измороси осеннее утро. Все стало очень обыденно, можно было разглядеть в углу ящик с вином и трубкою свернутый ковер»⁶⁶. «Застрявший юг» вытесняется «серым, в измороси осенним утром». С этого заявленного в самом начале текста вытеснения (подавления) и начинается подавление (уничтожение) одного человека другим, одной властной воли другой. Так же, как одно природное начало неизменно, согласно закону, поглощает – вытесняет другое, так же – хотя и с добавлением осознания этой закономерности – одно социальное явление (персона) убивает другую: «...а вот, чего доброго, придется тебе стоять у моего гроба в почетном карауле», – пророчествует знающий власть герой⁶⁷.

Нынешняя жизнь в России устроена так, что люди как механизмы подчиняются ими же заведенному тоталитарному порядку и даже в случае угрозы их жизни не делают попыток его переменить.

⁶⁶ Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. М., 1926. С. 6–7.

⁶⁷ Там же. С. 7.

Один человек в логике своей политической воли решает убить другого: «Я тебя позвал потому, что тебе надо сделать операцию. Ты необходимый революции человек. ...Этого требует революция. ...Я уже отдал приказ»⁶⁸.

В какой мере совершаемое есть необходимость, а в какой – дань ложной доктрине, неверно истолкованной фантазии, ревности, тупого упрямства, личных амбиций, наконец? Трагизм исторической ситуации, очевидно, еще и в том, что она, подобно бескрайности российской империи, распространена на всех и вся. И так во всем: «В непонятности проблемы мужики делились – пятьдесят, примерно, процентов и пятьдесят. Пятьдесят процентов мужиков вставали в три часа утра и ложились спать в одиннадцать вечера, и работали у них все, от мала до велика, не покладая рук; ежели они покупали телку, они десять раз примеривались, прежде чем купить; хворостину с дороги они тащили в дом; избы у них были исправны, как телеги, скотина сыта и в холе, как сами сыты и в труде по уши; продналоги и прочие повинности они платили государству аккуратно, власти боялись; и считались они: врагами революции, ни более, ни менее того. Другие же проценты мужиков имели по избе, подбитой ветром, по тощей корове и по паршивой овце, – больше ничего не имели; весной им из города от государства давалась семссуда, половину семсуды они поедали, ибо своего хлеба не было, – другую половину рассеивали – колос к колосу, как голос от голосу; осенью у них поэтому ничего не родилось, – они объясняли властям недостаток навоза от тощих коров и паршивых овец, – государство снимало с них продналог, и семссуду, – и они считались: друзьями революции. Мужики из “врагов” по поводу “друзей” утверждали, что процентов тридцать пять друзей – пьяницы (и тут, конечно, трудно установить, – нищета ли от пьянства, пьянство ли от нищеты), – процентов пять – не везет (авось не только выручает!), – а шестьдесят процентов – бездельники, говоруны, философы, лентяи, недотепы. “Врагов” по деревням всемерно жали, чтобы превратить их в “друзей”, а тем самым лишить их возможности платить продналог, избы их превращая в состояние, подбитое ветром»⁶⁹.

⁶⁸ Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. С. 12.

⁶⁹ Пильняк Б. Красное дерево. М., 1929. С. 29.

Отравленный на операционном столе хлороформом командарм, повинувшись непреложным законам революции и власти, в свое время так же обрекал на смерть тысячи. И тогда, как и теперь, поступает в отношении него «негорбящийся человек», он хотел подчинить себе область, страну, а если получится, то и весь мир. Но страна, несмотря на усилия большевистской партии, продолжала жить по-старому, как и столетия назад: «Ехали полем – таким же, каким оно было пятьсот лет тому назад, – въехали в деревню, потащились грязями ее семнадцатого века. За деревней дорога шла в овраг, переехали мост, за мостом была лужа, которая оказалась непроезжей. Въехали в лужу. Лошади рванули и стали»⁷⁰.

И все же попытки не прекращаются. Вот финал:

Наташа стояла на подоконнике, и Попов увидел: она надувала щеки, трубкой складывала губы, смотрела на луну, целилась в луну, дула в нее.

– Что ты делаешь, Наташа? – спросил отец.

– Я хочу погасить луну, – ответила Наташа⁷¹.

Итого, отмечу, что оригинальность и в силу этого особая, близкая к документальности, ценность прозы Бориса Пильняка заключается в том, что в ней автор, с одной стороны, выступает как не вмешивающийся в процесс беспристрастный свидетель, сторонний наблюдатель, приверженный рационализму ученый, а с другой, как имеющий собственную позицию философ и публицист. Литературный критик В. Гофман верно писал, что в текстах Бориса Пильняка есть автор, но нет авторской личности как личности литературной, как героя⁷².

Однако, на мой взгляд, причина скрытости авторского лица заключается не только в непрерывной смене стилистических масок, на что указывает критик. Наверное, в 1928 г. об иной причине если и догадывались, то говорить или писать о ней означало бы сделать на Пильняка политический донос. Думаю, что еще одна причина скрытости авторского «Я», как и в случае с другими авторами (Андреем Платоновым, например), состояла у Пильняка в невозможности изображать действительность в ее благой, пропагандируемой большевиками будущности, а не такой, какой она на самом

⁷⁰ Пильняк Б. Красное дерево. С. 27.

⁷¹ Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. С. 27.

⁷² Гофман В. Указ. соч. С. 28.

деле была и какой ее видел писатель. Пильняк, как Мандельштам, Маяковский, Есенин, жить в новой действительности – по своей ли или по чужой воле – не смог. В этой связи у Пильняка находим провидческое: «Иван Спиридонович, на черной своей половине, в своей комнате, лег на диван, лицом к стене, и сейчас же уснул крепким сном. Рассвет пришел серою мутью, заиграл на рожке пастух скорбно и тихо, и Иван Спиридонович проснулся. Горела свеча, за окнами был туман, свеча начала тлеть, и пахло гарью. Иван Спиридонович подумал, что во сне он ничего не чувствовал, и прошли эти часы с вечера до зари совсем не страшно, как один миг. Тогда он встал и прошел на кухню, взял там из угла с полки револьвер, по дороге посмотрелся в зеркало, увидел хмурое свое и серьезное лицо, вернулся в свою комнату, потушил свечу, сел на диван и выстрелил себе в рот»⁷³.

Размышляя над поисками того, что можно было бы считать «вкладом» в философию литературы А. Блока в части осмысления революции, я долго не мог найти, что у поэта можно было бы так именовать. В процессе работы с текстами других авторов у меня сложились некоторые представления. Но в отношении Блока они не работали. Я уже начинал сомневаться в продуктивности самой затеи, когда понял: философичность у Блока спрятана в музыке его стихов. Блок, как Мандельштам и Ахматова, тоже поэт-медий. Но если первые получают свидетельства о будущем посредством слышанного ими голоса, то автор «Двенадцати» слышит музыку.

И сразу открылись казавшие прежде метафорой переданные Ин. Анненковым слова Блока: «Музыка есть сущность мира». В его стихах более смысла следует слушать звук. И, возможно, даже не столько мелодию – наиболее близкую со смыслом, сколько распределение звуков во времени – ритм и интервалы между акцентированными звуками – такт. Блока следует слушать...

* * *

Отношение послеоктябрьской власти к поэзии «серебряного века» не могло не быть противоречивым. Существовала большая группа поэтов, которых власть хотя и не приняла, но как бы не

⁷³ Пильняк Б. Голый год. С. 21.

замечала и до поры не преследовала. Был Маяковский, поклонник большевиков, однозначно ставший на их сторону и ими обласканный. Были мастера, Осип Мандельштам и Анна Ахматова, настроенные антибольшевистски, замалчивать которых, а тем более преследовать по причине их гениальности власть начала не сразу. Был ненавидимый и в августе 1921 г. расстрелянный георгиевский кавалер Первой мировой войны Николай Гумилев. И был, наконец, Александр Блок, может быть, самый большой мастер начала века, которого большевики после его смерти (в том же, что и Гумилева, августе 1921 г.) попытались выдать за «своего».

Вот как, например, просвещал соотечественников своим видением творческого пути Блока придворный литературовед лауреат Сталинской премии Вл. Орлов: «Отрешенный от реальной жизни лирик, целиком погружившийся в свои смутные душевные переживания, каким Блок начал свой литературный путь, вырос в истинно великого национального поэта, все творчество которого овеяно историческими, социальными, житейскими бурями его грозного, переломного, революционного времени». И далее: «...Октябрьская революция окрылила Блока как художника, вдохновила его на создание “Двенадцати” – лучшего его произведения»⁷⁴. В этом заключении «душевные переживания» если и не ставятся поэту в вину, то все же определяются как что-то ничтожное по сравнению с великими «историческими, социальными, житейскими бурями», а «Двенадцать» маркируется как вершина творчества.

К счастью, такая тенденциозная, но легитимированная властью трактовка поэзии Александра Блока не была единственной, а со временем и вовсе утратила положение доминирующей, уступив место свободному критическому анализу. Однако главный стоящий перед исследователями вопрос так и остался дискуссионным: как поэт относился к революции и большевикам, какими он видел людей Октября.

В недавних работах, обращаясь к творчеству «соразмерных» Блоку поэтов Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама, равно как и прозаика Андрея Платонова, я ставил проблему в том же ключе, в каком она много ранее формулировалась Г.П. Федотовым. Напомню, что в его посвященной Блоку статье «На поле Куликовом» она звучала так: «Новый подвиг, новая жертва – и

⁷⁴ Орлов Вл. Александр Блок // Блок А. Избранное. М., 1978. С. 5, 13–14.

новый грех – влекут за собой новую установку национального сознания. В этой опознающей работе участвуют, по следам исторического деятеля, проясняя его часто слепую интуицию, философ, историк и поэт. Но поэт и здесь нередко оказывается предвестником. Ему дано упреждать не только историческую мысль, но и самый исторический опыт».

Применительно ко времени расцвета поэзии «серебряного века» меж революциями 1905 и 1917 годов действительно случилось то, что сменило установку национального сознания. На традиционной основе рабства и самовластия создан его новый вид.

Однако после этой констатации Федотов формулирует истинную в своей противоречивости мысль: наряду с философом и историком, поэт выполняет «проясняющую и опознающую работу» и «нередко оказывается предвестником» надвигающихся перемен. Более того, он способен «упреждать историческую мысль и исторический опыт». Здесь для формального мышления загадка явная: «прояснение и опознание» предполагает следование за событиями, в то время как «предвестие» возможно в ситуации опережения, свидетельства о явлении, которое может наступить завтра. Что есть опережающее прояснение действительности, как оно существует в поэте, как маркируется для непосвященных? В русле этого вопроса я и хотел бы предложить для рассмотрения следующее.

Будучи включенными как непосредственным, так и опосредованным образом в систему многообразных связей окружающего мира, люди осознают явления действительности, соотносят их с имеющимся личным и коллективным опытом, индивидуальной и общественной памятью, выработанными и желаемыми (нежелательными) представлениями о будущем. Среди нас есть особые, именуемые поэтами, которые не только обладают даром стихосложения, но, главное, посредством «помещенного в сердце ума» в обрамлении и посредством художественности умеют проникнуть в сердцевину происходящих явлений. При этом некоторые, особо одаренные, даже прорисовывают траектории дальнейшего развития этих явлений, видят их будущие взаимосвязи и возникающие на этой основе новые общественные коллизии. О них говорят: умеют «видеть» завтра. В этой связи напомним лермонтовское «Предсказание».

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сёл,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом⁷⁵.

Как такие стихи стали возможны, как могут быть встроены в российскую реальность 1830 г.? Как, тенденции каких общественных явлений прозревал в будущем поэт?⁷⁶ А. Анненков приводит его слова: «Вначале была музыка. Музыка есть сущность мира. Мир растет в упругих ритмах... Рост мира есть культура. Культура есть музыкальный ритм»⁷⁷. Похоже, что, как у Мандельштама «подслушивание», у Ахматовой «бормотанье», у Блока поэзия возникла из музыки, из музыкальных звуков. Посредством особым образом устроенного слуха, способности внимать звучанию «высших сфер» гении поэзии доставляют на землю то, что открыло им небо. Это похоже на божественные сутры, приходящие во сне пророку Мухаммеду, которые он записывал после пробуждения.

О том, что Блок слышал музыку мира говорит и Федор Степун: «Без учета блоковского понимания музыки не в смысле искусства, а в смысле мистической первоосновы истории, в Блоке

⁷⁵ *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 2001. С. 196.

⁷⁶ Наверное, в данном случае более уместно слово «привидел» и имя пророк. Именно это явление время от времени становилось метафизическим фокусом русской философской поэзии. Вспомним об одноименных стихотворениях Пушкина (1826) и Лермонтова (1841).

⁷⁷ *Анненков А.П.* Дневник моих встреч. М., 2005. С. 24.

ничего нельзя понять, так как и революцию он с первых же моментов ее возникновения начал ощущать как нарождение новой музыкальной волны. Все это *не имеет ничего общего с революцией в понимании революционного марксизма* (выделено мной. – С.Н.)»⁷⁸.

Интерпретация философской поэзии Блока – дело намного более сложное, чем в случае Мандельштама и Ахматовой. Там мы сталкиваемся с облеченными в метафоры смыслами. У Блока смыслы нужно извлекать из звучаний. Но как уловить звуки, тем более соотнести их с теми, которые слышал поэт? Наверное, в этом случае не остается иного, как прибегнуть к рекомендации отца Сергея Булгакова, который в своих работах, посвященных исследованию философского содержания творчества А.П. Чехова, в качестве метода анализа мировоззрения его героев предлагал читателю проводить «суммирование мыслей и впечатлений, этими произведениями вызываемыми»⁷⁹.

Но где гарантия того, что вызываемые у нас мысли и впечатления адекватны мыслям и впечатлениям художника? Она только в общем предмете рассмотрения и схожести наших и автора страданий. По мысли Льва Толстого, «мыслитель и художник должны страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение»⁸⁰. Или, добавлю, не найти и продолжать страдать.

Идея Булгакова о мыслях и впечатлениях, произведениями вызываемых, согласуется с пониманием культуры у М.М. Бахтина. Открытая им гуманитарность мышления меняла представление о ее естественнонаучной парадигме, в котором одна мысль отторгается от другой. Гуманитарность мышления означала утверждение смыслового общения между автором и читателем лишь в ситуации субъект-субъектных отношений, которые, в свою очередь, возникали только в ситуации диалога, когда на слово автора являлось ответное, равное авторскому, читательское слово.

Бахтин показал, что читатель не воспринимает слово как нечто вещное. Авторское слово для него есть выражение «ценностной активности, проникающей в содержание и претворяющей его. Так,

⁷⁸ Стетун Ф. Историческое и политическое мирозерцание Блока // Александр Блок. Pro et Contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. СПб., 2004. С. 599.

⁷⁹ Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель // Путешествие к Чехову. М., 1996. С. 592.

⁸⁰ Толстой Л.Н. Так что же нам делать // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 16. М., 1983. С. 373.

при чтении или слушании поэтического произведения я не оставляю его вне себя, как высказывание другого, которое нужно просто услышать и значение которого... нужно просто понять; но я в известной степени делаю его своим собственным высказыванием о другом, усваю себе ритм, интонацию, артикуляционное напряжение, внутреннюю жестикуляцию...»⁸¹.

В авторской речи, конкретизируют бахтинскую позицию С.С. Неретина и А.П. Огурцов, «только и оказывается возможным диалог разных речевых жанров; где любое высказывание (единица речи), по сути, направлено на провокацию ответа или вопроса со стороны лица, внимающего этому высказыванию. Оно является границей другого высказывания». Для возникновения такого рода речи «необходимо погрузиться одновременно в текст и в глубину самого себя, в самосознание, то есть мыслить не о культуре, а мыслить и жить культурой»⁸².

Такое же соединение авторской и читательской речи и звучащей в стихах музыки происходит и при восприятии музыки стихов Александра Блока. Спит или бодрствует автор в «Незнакомке»? Вменяем или отрешен? Материален ли, обладает ли телом или он только дух? Вопросы эти вряд ли требуют определенного ответа, так как с первой строфы мы погружаемся в себя и в себе слышим музыку блоковского стиха:

И странной близостью закованный
Смотрю на темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль⁸³.

Мелодия «Незнакомки» звучит во многих стихах. Так, она повторяется во «Втором крещении». Поэт живет как бы поверх жизни, ощущая себя частицей Мироздания, которая – то существует вне тела, то, обретя его, замерзает в метели:

И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

⁸¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 58–59.

⁸² Неретина С.С., Огурцов А.П. Время культуры. СПб., 2000. С. 253.

⁸³ Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Л., 1980. С. 394.

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет – Смерть⁸⁴.

Наверное, мелодичность, ритмика и такт стихов в сочетании с их смысловым содержанием – отдельная междисциплинарная тема для поэтов, литературоведов и специалистов в области теории музыки. То, что такое исследование возможно, отчетливо видно, например, из следующего литературоведческого разбора большого стихотворения «Скифы»: «Пятистопные ямбы с мужскими окончаниями эффектно сменяются четырехстопными строками с окончаниями женскими: сначала удар, выстрел – потом его протяжное эхо. Причем в первых двух строфах метрический узор отличается от основного фона. В конце первой – пятистопная строка: “С раскосыми и жадными очами” – а в конце второй – трехстопная: “Монголов и Европы”. После этих двух сложных аккордов риторическая инерция берет свое. Музыка, но монотонная. И слишком часто вступает барабан»⁸⁵.

Не принадлежа ни к одной из перечисленных профессиональных групп, предложу для возможного комплексного исследования несколько, на мой взгляд, родственных стихов. Вот, например, обращение к Родине:

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?
Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

<...>

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?⁸⁶

⁸⁴ Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. С. 11.

⁸⁵ Новиков В. Александр Блок. М., 2010. С. 316.

⁸⁶ Блок А. Указ. соч. Т. 1. С. 156.

И как бы в развитие заявленного смысла, в той же ритмике и мелодичности – стихотворение «Коршун»:

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. –
В избышке мать, над сыном тужит:
“На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси”.

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. –
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?⁸⁷

Еще большее сближение, подтвержденное и хронологией (январь 1918 г.), обнаруживают знаменитые «Скифы» и поэма «Двенадцать». В обоих – гигантский размах, сопровождающий готовность степняков сразиться с Западом, и реальный переворот, устроенный большевиками.

«На днях я лежал в темноте с открытыми глазами, – записывал Блок 9 января 1917 г., – слушал гул, гул; думал, началось землетрясение», – приводит блоковские строки Степун. И продолжает: «Через два дня гул начал превращаться в музыку, но в музыку, отмечает Блок, иную, чем та, которую он слышал всю свою жизнь. На мгновенье мелькнула привычная, подсказанная Соловьевым мысль, что началось восстание желтого Востока против Запада, но вдруг стало ясно: не гул землетрясения, не шум желтых полчищ, а мировая музыка крушения старого мира»⁸⁸.

То, что Блок слышал как «музыку крушения старого мира», другими воспринималось не дифференцированно, схватывалось и обозначалось общими словами. «Внезапно все почувствовали себя на краю бездны, стремительно поглощающей все прекрасное, великое, дорогое, незаменимое. ...Зрелище это вызывало священный трепет, было исполнено щемящей тоски и зловещего смысла», – пишет, например, Нина Берберова⁸⁹. Все – свидетели

⁸⁷ Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. С. 249.

⁸⁸ Степун Ф. Указ. соч. С. 604.

⁸⁹ Берберова Н. Блок и его время. М., 2012. С. 251.

поглощаемого бездной революции «прекрасного, великого, дорогого, незаменимого. И гибнущие буржуи, и убитая девушка, и идущие в пурге двенадцать красноармейцев. Еще одно изображение человека в революции.

Блок умер. И «через несколько месяцев уже ничто не напоминало об этой поре русской жизни. Одни уехали, других выслали, третьи были уничтожены или скрывались. Приближалась новая эра»⁹⁰. А у нее были свои образы, свои звуки и свои писатели и поэты, которые, подобно медиумам, считывали настоящее и пророчествовали о будущем.

---

⁹⁰ Берберова Н. Блок и его время. С. 252.

**Глава 4. Философско-литературные фантазии
о будущем после Октября**
*Евгений Замятин, Александр Богданов,
Андрей Платонов*

Философско-художественное осмысление тем Октября, мировой революции и мирового хозяйства как нового мироустройства сразу после революции и до конца 20-х годов было важной частью культурного мировидения писателей-большевиков (точнее, ранее в разное время бывших большевиками). Что прозревали современники-писатели, которые не пожелали играть роль восхваляющих новый строй пропагандистов-агитаторов, которые ушли от социалистического «бытописательства» или, как Замятин, Платонов и Булгаков, поднялись до уровня «художественной философии»?⁹¹.

Было бы ошибкой полагать, что начинающий литератор благодаря революционной энергии мог в одночасье возвыситься до уровня Мастера. Напротив, только выработанное задолго до революционных катаклизмов высокое мастерство давало возможность осознать и воплотить в слове предощущение послереволюционного мира. При этом именно фантазия, равно как и одно из ее проявлений – художественно-философская утопия, стали неотъемлемой частью общественной жизни, обнаруживали себя в манифестах артистических и литературных группировок, в размышлениях о будущем философов и публицистов.

---

⁹¹ *Скороспелова Е.Б.* Возвращение // Е.И. Замятин: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей. СПб., 2014. С. 976.

Вслед за политикой о завтрашнем дне грезил и литература. В полной мере эти замечания относятся к творчеству Евгения Замятина, знаменитый роман которого «Мы» был написан в том же 1920 г., что и «Азбука коммунизма» Бухарина и Преображенского – популярное изложение большевистской партийной программы.

Как известно, роману Замятина «Мы» сразу же был приклеен ярлык «пасквиль на социализм», что не было случайностью. В СССР, как и в писательском прообразе «Единого Государства», все сочинения подданных следовало посвящать только его настоящим или будущим красотам и великолепию. Это требование Замятин не выполнил. А вот «Красная звезда» А. Богданова была названа Бухариным романом, который «с трепетом и восторгом читала революционная молодежь». Отчего же происходил «восторг и трепет»?

Конечно, произведение А.А. Богданова встраивается и в известной мере представляет его «Тектологию» – фундаментальную работу о способах организации в неживой, живой природе и обществе. Гениальный марсианин – ученый и организатор, как сообщается в «Красной звезде», совершил величайшее открытие – «положил начало всеобщей организационной науке».

Согласно ей, любая человеческая деятельность может рассматриваться как материал организационного опыта, и чем сложнее эта системная деятельность, тем более она подвержена опасности соскользнуть в кризис, который потребует не только перестройки организации, но, возможно, и смены самих целей, на которые эта деятельность ориентирована. Теория, например, формулировала определенные императивы по отношению к организатору системной деятельности. Для сохранения ее устойчивости он, в частности, должен был обладать таким набором средств, который был бы не меньшим, чем разнообразие, которое демонстрируется подлежащей управлению ситуацией⁹². Но как с этой рекомендацией должен соотносить свою деятельность тоталитарный правитель, успешно сводящий все «управление» подданными к разного рода репрессиям?

Впрочем, роман не анализирует действительность, а выступает как форма революционно-художественной агитации. И хотя первое его издание датируется 1908 г., настоящий успех пришел

⁹² Локтионов М.В. Загадки «Тектологии» – книги, опередившей время // Анатомия философии: как работает текст / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М., 2016. С. 705–722.

со вторым изданием в 1919 г. Организованное на социалистических началах общество марсиан давало зримый образ будущего землян. Наполняющие текст рассуждения об очагах победившего на планете Земля социализма, идеал «цельного человека», производящего «цельную страну» и даже «цельную вселенную», «социалистическое перевоспитание» несознательных, «общечеловеческое объединение», самоотверженный труд и ненормированное потребление продуктов исключительно по потребностям – все это в популярной форме отражало фантазии большевиков и даже отдельные пункты их партийной программы. Никого не насторожило то, что социалистический рай создается лишь после того, как в коллективные могилы будут принудительно сведены миллионы, как в продолжении «Красной звезды» – в романе «Инженер Мэнни» рассказывается о строительстве на Марсе каналов для переброски воды. Уж не провидел ли автор скорое аналогичное российское действие – строительство Беломоро-Балтийского канала имени тов. И.В. Сталина?

Роман «Красная звезда», как известно, имеет счастливый конец. Героя-землянина в качестве будущего проводника продвинутого социализма марсиане вывозят к себе, и повествователь заключает: «Все худшее позади. Борьба была долгая и тяжелая, но победа перед нами... Новая борьба будет легче...»⁹³.

При всей несопоставимости высокой философско-художественной прозы Е. Замятина с литературно оформленной партийной агиткой А. Богданова методологически они схожи тем, что в качестве предмета избирают будущее социалистическое устройство, изображая его хотя и с противоположными оценками, но на одном материале – фантастической цивилизации.

А вот проза Андрея Платонова обнаруживает иной методологический подход. Как и Замятин, исходной точкой Платонов избирает наличную природу конкретных людей – своих современников, действующих в предлагаемых обстоятельствах после-революционной России. Думают ли они о будущем, фантазируют ли? Несомненно, но при этом – обращая взоры внутрь человека, всматриваясь в самих себя. Подобно Замятину, Платонов знает, что

⁹³ *Богданов А.А.* Красная звезда. URL: http://az.lib.ru/b/bogdanow_aleksandr_aleksandrowich/text_0040.shtml (дата обращения: 13.03.2017).

будущее вырастет из тех качеств и свойств людей, которые были присущи им до революции, которые (к лучшему или к худшему) преобразованы в ней и с неизбежностью переносятся на день завтрашний. Не всегда это случается сознательно. Но когда это становится результатом осознанной работы, то формулируется, как в рассказе «Волчок», к примеру, так: «Раз я спросил у отца, который любил меня и жалел, как маленького, не знает ли он чего, чего еще никто не знает и про что и в книгах не написано»⁹⁴.

То, что люди отыскивают в себе и переносят на будущее, хорошо видно уже в ранних – начала двадцатых годов – рассказах писателя. Вот, например, Апалитыч, герой одноименной истории. На сетование собеседника, что он сделал такие сапоги, что в них на люди стыдно показаться («Эх, собачья твоя душа...»), следует неожиданный ответ: «Ну-к што ж. Собачья, собачья... А у кого человекья?.. Откель она суды упадет.

Вечера Апалитыч просиживал на завалинке и гнул ребятишкам, что было на свете, когда никого не было»⁹⁵. Герой продолжает: «Вот, когда ни села этого, ни Дона еще не было, пас раз я царских коров, и едет машина по рельсам, а коровы стали на путях, ни взад ни вперед. Стал я супротив и окоротил машину. Стой, ору, окорочайся. Стал я, уперся. Машина вдарилась в меня и окоротилась. А ногами я так впер в землю, что она закачалась и перекосилась и с той поры боком пошла. И не туда, куда надобно, не в ад к сатане, куда Бог послал, а назад на небо, к Пресвятой Богородице на вымоление... Вон вить што. И скоро, ребята, мы прилетим усе туда, где солнце да ангелы одни поют и скакают. Так-то...»⁹⁶. Упереться в землю, спасая живое. Молить о прощении грехов, сознавая их. И только тогда – райское блаженство. Формула покаяния – возрождения?

В 1921 г. Андрей Платонов пишет философский рассказ «В звездной пустыне», произведение загадочное, содержащее в себе зачатки того, что позже будет развито в «Чевенгуре», «Котловане», «Ювенильном море», «Счастливой Москве». В нем впервые явно формулируется платоновская идея соперничества с миром. Мир

⁹⁴ Платонов А.П. Соч. Т. 1. 1918–1927. Кн. 1: Рассказы, стихотворения. М., 2004. С. 151.

⁹⁵ Там же. С. 147.

⁹⁶ Там же. С. 176–177.

прекрасен, и сознание его красоты требует: «Ее надо или уничтожить, или с ней слиться. Стоять отдельно нельзя». Сознание красоты – не знание: «человеку нужна не истина, а что-то больше ее»⁹⁷.

К сожалению, это «большее, чем истина» человеком не понято. Современные люди образовали «массу» – «единое существо, родившееся из человека, но мы и не человек, и человеческого в нас нет ничего». Для людей массы вселенная есть «невзорванная гора на нашей дороге. И зарницы мысли рвут покой и радость и угрожают довольному миру пламенем и разрушением до конца, до последнего червя». Люди, спящие сейчас, «как трупы», «...недовольны миром, для них мир не загадка, а куча железного лома, из которого надо сделать двигатель. Этот двигатель увезет нас всех отсюда, из этой тоскливой пустыни, где смерть и труд и так мало музыки и мысли»⁹⁸.

Человек понял мир и вселенную всего лишь как внешнее, нуждающееся в преобразовании. Он, как и всегда в истории, надеется преобразовать лежащее вне его и убежать из тоскливой пустыни. Но куда? И, самое важное: он сам останется тем, кем был прежде, и, значит, новое внешнее создаст у него ощущение новой пустыни, от которой снова нужно будет бежать... Таковы первичные философские мотивы платоновских размышлений о будущем.

Смерть – конец. Платонов описывает именно ее. Но означает ли, что это описание только безысходно и мрачно, ведь нам, его потомкам, еще предстоит жить? При ответе на этот вопрос нужно понимать, что «время большевиков» – это и в самом деле время конца, время смерти. Платонов много раз повторяет: большевики объявили коммунизм концом истории. Как же жить? И в ответ на это в «Чевенгуре» в диалоге с Сашей Двановым звучат слова кузнеца: народ от голода гибнет, кому твоя революция останется? Разве можно, чтобы в нынешней жизни все погибли, а в будущее «войдет один главный человек»?

Но определяя то, что есть, как время смерти, Платонов не исключает, что люди все же найдут способ это время преодолеть и создать другую реальность. Залог тому – безграничная и фанатичная фантазийность человека. Чаще всего она, конечно, просто идиллическая, но иногда в чем-то все же открывающая и предвещающая

⁹⁷ Платонов А.П. Соч. Т. 1. 1918–1927. Кн. 1: Рассказы, стихотворения. С. 176–177.

⁹⁸ Там же. С. 178, 177.

новое время. Ведь получение энергии из нетрадиционных источников, продуктов – из неорганических веществ, освоение внеземных пространств – все это уже технологические разработки современности, пришедшей на смену эпохе платоновских героев. Значит, часть истории, описываемая Платоновым как смерть, начинает преодолеваться. А это уже новая жизнь, хотя и «жизнь после смерти».

Смерть в мире Платонова существует в разных ипостасях: как данность, как реальность – предмет размышления, как воспоминание, как психологическое усилие жить. Погружаемые на плоты для сплава в далекое море кулаки или вереница крестьян, волокущих за собой гробы для близкой смерти, – это фантастическая реальность, нацеленная в будущее. Мечтающий о будущем председатель Чевенгурского уика Чепурный или неугомонный деревенский активист – фантазии, опрокидываемые в настоящее. Не оставляющий Копенкина образ Красной Розы – воспоминание о небывшем, преобразованное в его личную попытку жить. Но все фантазии густо замешаны на смерти. И даже когда речь идет о строительстве – символе будущего, это все равно повествование о бытии смерти в завтрашнем дне. Вот почему каждый удар лопаты о грунт котлована оборачивается еще одной подвижкой в сооружении общей могилы, что бы при этом ни думали кладбищенские землекопы или проектировщик пролетарского кладбища инженер Прушевский. Все составные элементы большой прозы Андрея Платонова – только части одного философского эссе о царстве смерти с названием «СССР».

И, надо отметить, в этом видении Платонов не одинок. Все фантазии политиков и писателей-большевиков в той или иной степени включают в себя смерть. У Ленина, Бухарина и Преображенского укоренение нового строя возможно только при уничтожении значительной части социума строя предшествующего. У Замятина «выпрямление» стройных рядов «нумеров» счастливого общества достигается посредством казни. Смерти предшествуют и сопровождают «социалистическое» марсианское строительство в романах Богданова. Да и в романах Андрея Платонова мертвецов, пожалуй, никак не меньше, чем живых.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», – пелось в сочиненном в 1923 г. «Авиамарше» большевиков. Страшная получилась сказка. Но другой история не знает.

Глава 5. Жизнь после революции
Андрей Платонов, Осип Мандельштам,
Владимир Маяковский, Анна Ахматова,
Варлам Шаламов

С писателем Андреем Платоновым советской власти не повезло. За все тридцать лет их сосуществования не было более глубокого ее критика, чем он. В художественных образах, наполненных философским смыслом, писатель не только передал собственное понимание большевизма и антибольшевистские настроения части общества, но и сформулировал развернутый приговор коммунистической идее. Выходило, что коммунизм, начавшийся с отмены предшествующей истории и вышедших из нее людей, на место уничтоженной сущности человека пытался поместить новое содержание. Безрезультатно: созданное было нежизнеспособно.

В отличие от великих предшественников XIX столетия, у Платонова нет надежды на лучшее. Наследуя идею свободы у Пушкина, он жил в созданной большевизмом тюрьме. Мечтая, подобно Гоголю, о живом человеке, был не в силах вырваться из нового царства мертвых душ. Ощущая вместе с Гончаровым животворящее движение колеса природы, не видел для человека возможности выйти за пределы общественного бытия. Платонов, как и Толстой, искал формулу сопряжения жизни и смерти и так же, как и автор «Войны и мира», ее не находил. Его герои, как у Чехова, пронизаны неизбывной тоской. Но если у автора «Вишневого сада» тоска – преддверие смерти – не уничтожает надежды спастись, то у Платонова это начало смертной агонии⁹⁹.

---

⁹⁹ Для знакомства с темой тоски укажу на статью В.Н. Поруса «Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов» (Вопр. философии. 2014. № 1).

Смерть – общая основа огромного и разнообразного платоновского мира. Сказать, кто из героев Платонова жив (пока жив), а кто уже мертв, нельзя. Все существуют в стадии перехода от жизни к смерти, и разница между ними лишь в том, что одни находятся в начале умирания, другие на пороге могилы, а третьи мертвы.

* * *

Со второй половины 20-х годов Платонов открыто не признавал жизненности строя большевиков, делая это философски, концептуально, онтологически. Его слово для власти было тем более опасно, поскольку изначально он сам был отравлен фантазиями большевизма, но сумел их преодолеть. В прошлом осталась уверенность в возможности сотворения нового мира посредством уничтожения мира старого; надежда, что старый мир не окажет сильного сопротивления, поскольку наполнен допотопными ручными орудиями и неприспособленными к жизни людьми; мечта, что новый мир создаст умные машины и чистых людей.

Изначально молодому Платонову, как и лучшим из большевиков, также было свойственно оптимистическое фантазерство. Однако сшибка радостного взгляда на жизнь с трагической правдой произошла уже в пору написания истории строителя Епифанских шлюзов. Деспот, родивший геополитическую идею для половины страны; проект, переворачивающий жизнь сотен тысяч подданных; безжалостные в своих действиях инженеры – реализаторы проекта; огромный репрессивный аппарат; невиданные технические изобретения; неодолимое сопротивление природы; крах головной идеи; торжество господствующей над всем живым смерти – от воеводы, убивающего беглых крестьян, до палача получеловека – полузверя¹⁰⁰.

Начиная с Октября, отечественные писатели столкнулись с небывалой до той поры проблемой. Реальность была столь ужасна, что для ее изображения не годился ни один из известных жанров.

¹⁰⁰ В «Котловане» получеловек и полузверь разделяется на получеловека инвалида Жачева и определителя классовых врагов зверя-человека медведя, а в «Чевенгуре» эти образы продолжают полузверь профессиональный убийца Копенкин и почти получеловек Пролетарская Сила.

То, что Платонов видел вокруг, было реально. Но если об этом ужасе рассказать правдиво, неизбежно сочли бы (да и сегодня некоторые считают) вымыслом. Следовало найти способ соединить реальность с фантазией, чтобы читатель вздохнул с облегчением: это преувеличено или придумано! И Платонов создал новый философско-литературный жанр – реалистическую фантазмагорию.

Жанру понадобился адекватный язык. Все исследователи говорят о его странности, редко пытаясь объяснить – почему. Но разве может быть «правильным» язык, если нужно сообщить, что люди при жизни делают себе гробы и берегут их как главную ценность? А какие «правильные» слова могут отразить ту реальность, которая возникает внутри человека, когда его сажают на выталкиваемый в море плот или собираются прострелить горло? И такими идеями и соответствующими им действиями пронизана вся реальность после Октября.

В этой связи, предложенная мной гипотеза заключается в следующем. Большая проза Платонова – реалистическая фантазмагория, повествующая о жизни в царстве смерти. Вся она – репортажи об умирании, фактах смерти, жизни мертвых – написаны мертвецом и на языке мертвых. (Вспомните самую распространенную фотографию Платонова: разве не мертвые глаза у запечатленного на ней человека?) Еще предваривший Платонова в идее «жизни мертвых» Ф.М. Достоевский в рассказе «Бобок» подметил: улавливать и понимать язык мертвых могут только мертвецы. Но у Достоевского мертвые говорят понятным нам языком живых, а Платонов дал им собственный, странный для нас, язык.

Большие тексты Платонова состоят из отдельных очерков, связанных между собой линиями путешествия героев от одной смерти к другой. Они будто переходят от могилы к могиле и, останавливаясь, через слой земли прозревают историю каждого трупа на российском кладбище от Балтики до Тихого океана¹⁰¹.

Смерть в мире Платонова существует в разных ипостасях: как данность, как предмет размышления, как воспоминание, как попытка жить. И даже когда речь идет о строительстве – символе будущего, это все равно повествование о завтрашней смерти. По по-

¹⁰¹ Отмечу, что у кинорежиссера Александра Довженко, близкого по духу Андрею Платонову, в фильме «Аэроград» есть сцена летящих на восток самолетов, несущих в себе – по логике экранного изображения – трупы.

воду «Котлована» нельзя не привести слова «соразмерного» платоновскому таланту поэта Иосифа Бродского: это «произведение чрезвычайно мрачное, и читатель закрывает книгу в самом подавленном состоянии. Если бы в эту минуту была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время»¹⁰².

В литературоведческих исследованиях особого упоминания заслуживает имя Натальи Корниенко – наиболее компетентного исследователя творчества Андрея Платонова. В одном из ее текстов, который сам по себе заслуживает специального анализа, тема смерти органично встроена в разбор апокалиптических аллюзий, наполняющих «Чевенгур»¹⁰³. В связи с темой смерти назову и имя Елены Проскуриной. В ее изображении у смерти отмечается три аспекта: «мистериальный», содержащий идею воскресения; «абсолютного небытия» – смерть без воскресения; «иллюзорности жизни» – смерть как жизнь¹⁰⁴. Соглашусь с наличием смерти без воскресения и смерти как жизни. Что же до идеи воскресения, то приведенные обоснования не убеждают. Исследователь утверждает, что смерть ребенка – жертвоприношение с целью остановить деструктивный процесс, что имя Анастасия символично, поскольку означает Воскресение.

Не думаю, что в повести есть нечто, позволяющее трактовать смерть Насти как жертвоприношение или говорить о попытках остановить деструктивный процесс. А имя девочки может быть истолковано не только как надежда на будущую жизнь, но и как прощание с ней. Вспомним о смерти безымянного младенца в «Чевенгуре». Ведь обе смерти несут одинаковые смысловые нагрузки.

Из литературоведов к аутентичному пониманию платоновской идеи смерти близко подошел и Алексей Варламов. Однако этот исследователь полагает, что в восприятии жизни писатель как бы раздваивался: днем писал, «преисполненный сочувствия к

¹⁰² Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова. 1973. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/bg_platonov.txt (дата обращения: 06.03.2017).

¹⁰³ Корниенко Н. Чевенгурские мечтания о новом человеке в статьях Платонова 1920-х годов // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 6. М., 2005.

¹⁰⁴ Проскурина Е. Grimасы смерти у Платонова («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море») // Там же. С. 137.

бедным, убогим, замученным батракам... фактически прямо призывая к раскулачиванию и скорейшему созданию колхозов, а по ночам недремлющий сторож его души описывал в “Котловане”, что торилось в зажиточных домах, после того как Чиклин “сделал Сталину колхоз”¹⁰⁵. Отчего такое раздвоение?

В одном из писем Платонова А.М. Горькому есть загадочная, но многое объясняющая фраза. Раскаиваясь в нанесенном власти хроникой «Впрок» политическом ущербе, Платонов пишет: «Идеологическая же вредность, самое существо дела, произошла не по субъективным причинам»¹⁰⁶. То есть лично Платонов, заинтересованный в реализации коммунистических целей, не мог желать ущерба большевикам. Однако «объективно» Платонов-писатель – инструмент «евнуха души» (ангела-хранителя, удерживающего человека вблизи Бога и водившего рукой автора), не мог не писать о том, что было перед его глазами и внутренним взором. Вот почему, возвращаясь к отмеченной Варламовым «раздвоенности», скажу, что настоящим Платонов все же был ночью, в то время как днем он мог принимать идею колхозов и обращаться с покаянным письмом к Сталину.

Избирая себе в качестве символа бытия в СССР старуху с кошой, Андрей Платонович, думаю, пытался найти то, посредством чего можно сказать главное обо всем, объять необъятное. Размышляя над вопросом, что такое новая советская страна, он нашел ее первоосновной вездесущий «атом» – смерть, связующую воедино предьсторию, настоящее и будущее страны.

Напомню, что и сам Платонов в статье 1922 г. «Коммунизм в сердце человека» рассматривал смерть – физическое умерщвление буржуев – как единственный и неизбежный способ уничтожения прошлого, условие строительства нового общества. «Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому. Без зла и преступления ни к чему в мире не дойдешь и умножишь зло, если сам не решишься сделать зло разом за всех и этим кончить его»¹⁰⁷.

Для русской литературы смерть – предмет постоянный. Обуздать ее пытался гоголевский философ Хома. «Сделать зло разом... и этим кончить его» пробовал студент Раскольников. Клянет

¹⁰⁵ Варламов А. Андрей Платонов. М., 2011. С. 195.

¹⁰⁶ Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.). М., 2013. С. 305.

¹⁰⁷ «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 6. С. 481.

смерть толстовская барыня, смиренно принимает мужик, не замечает смерти дерево (рассказ «Три смерти»). И всегда смерть оставалась неуязвимой, тем, к чему человеку не дано притронуться, пока он жив. Может быть, нечто подобное о смерти понял отец Саши Дванова, любопытный рыбак с озера Мутево. Ведь там, на дне, между жизнью и смертью, обитали рыбы, которые не думали, потому что уже знали. И так же осознанно, как и отец, в поисках иного бытия, отличного от существования в земном царстве смерти, ушел в озеро Саша.

В основе описанных Платоновым отношений реальность. Так, большевики изначально строили политику, зная, что после уничтожения буржуазии врагом рабочего будет избран крестьянин. Л. Троцкий, например, открыто заявлял: рабочий «придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти»¹⁰⁸. Так же думал и писал Ленин.

Что же платоновский мужик? В разговоре с землекопами обнаруживается, что гробы занимают центральное место в их жизни. «У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь целое хозяйство!»¹⁰⁹. Смерть, стало быть, не только вытесняет жизнь, а является ее условием. Землекоп Чиклин оставил два небольших гроба, предназначавшихся для крестьянских ребят, Насте: «...в одном гробу сделал ей постель на будущее время, когда она станет спать без его живота, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок»¹¹⁰.

Авторский анализ смерти ширится и переходит в сарказм. Вот Козлов, став начальником, прекращает домогательства одной дамы стихами:

Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит!

Отправленные в деревню для раскулачивания Сафронов и Козлов убиты. Чиклин ложится спать между трупами, «потому что мертвые — это тоже люди», и обещает доделать их дела. Здесь бытие смерти обретает новое измерение. И снова Платонов не удерживается от

¹⁰⁸ Троцкий Л. 1905. М., 1922. С. 4–5.

¹⁰⁹ Платонов А. Ювенильное море. М., 1998. С. 129.

¹¹⁰ Там же. С. 128.

сарказма: обнаруживается, что мертвых на столе стало уже четверо. Оказывается, последний мертвец – доброволец, «лично умерший» от вида «организованного движения» масс в колхоз. А по улицам деревни «бродят массы, а над ними встает вечерняя желтая заря, похожая на свет погребения». Тема смерти как убийства обретает перспективу. Чиклин в одной избе находит лежащего в гробу мужика, добровольно намеревающегося умереть. В церкви курит стриженный поп, который записывает прихожан и докладывает активисту. Поп признается Чиклину, что ему «жить бесполезно», потому как он остался без Бога, а Бог без человека. И тут следующий шаг – смерть.

Значительную часть финала повести составляет подготовка и сплав в океан «кулака как класса». Этому предшествует уничтожение всего живого, чем жил крестьянин. Так, старый пахарь «целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы». А вот хозяин двора, умертвляющий лошадь. Герои знают, что в будущем их тоже ждет смерть. Прушевский, глядя на девочку, сожалеет, что ей «надлежит мучиться сложнее и дольше его»¹¹¹. Активист призывает колхоз «к социалистическому порядку, ибо все равно дальнейшее будет плохо»¹¹². Его самого, как не справившегося, тоже убивают. А Воцев говорит Насте: «...трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь. Не расти, девочка, затоскуешь!»¹¹³. Вскоре Настя умирает, и Жачев, потерявший веру в будущее, уползает, чтобы на прощанье убить товарища Пашкина. Последняя фигура, возникающая в финале повести, Мишка-молотобоец: Чиклин дал ему прикоснуться к Насте на прощанье. Смерть забрала всех, кого могла. А уход остальных – вопрос недолгого времени.

Платонов подводит итог: «...устало длилось терпение на свете, точно все живущее находилось где-то посередине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление»¹¹⁴. Смерть везде, во всех и во всем.

Роман «Чевенгур» изобилует аналогиями с реальностью и открытыми свидетельствами авторской позиции. И по главному для себя вопросу – о смысле революции, несмотря на то, что в стране

¹¹¹ Платонов А. Ювенильное море. С. 123.

¹¹² Там же. С. 143.

¹¹³ Там же. С. 171.

¹¹⁴ Там же. С. 175.

уже начались политические процессы, Платонов все же высказывается. Вот Саша и Захар Павлович пришли записываться в партию, и Захар Павлович думает, что большевики, наверное, будут «умнейшей властью, которая либо через год весь мир окончательно построят, либо поднимет такую суету, что даже детское сердце устанет», и тут же дает рецепт отношений власти и народа: «Имущество надо унижить... А людей оставить без призора – к лучшему обойдется, ей-богу, правда!»¹¹⁵. Так думал и Платонов.

А вот «бог», который ест глину. Для того чтобы крестьяне в него поверили, он решает в одну ночь объявить отъем земли, а на другую – раздачу ее обратно. В этом случае «большевистская слава по чину» будет его. Прямая аналогия с реальностью: послеоктябрьские манипуляции власти с землей – те же планы «бога» с коррекцией на время. Большевистское аграрное законодательство начиналось с лозунга «Земля – крестьянам!», и, раздав землю в первые месяцы после октября, большевики в течение 1918 – начала 1921 гг. последовательно отбирали землю и свободу хозяйствования на ней назад, а с «поворотом» к НЭПу – фактически снова вернули. Как оказалось, опять же ненадолго¹¹⁶.

Саша и командир степных большевиков Степан Копенкин начинают путешествие и, посетив лесничество, решают вырубить лес. Аналогии этого были на практике. Все коммунистическое мировоззрение того времени пропитано духом партийного сциентизма – безоглядной веры в возможности «коммунистического» знания и немедленного действия, отвечающего интересам «неимущих масс». Современники отмечали, что стоило кому-либо в спорах произнести, например, слово «электричество» или «электрический плуг», как дальнейшие вопросы исчезали и появлялась уверенность в простом разрешении любых проблем.

О плане жизни и переделки масс послушаем Ленина: надо «... чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул

¹¹⁵ Платонов А. Ювенильное море. С. 237.

¹¹⁶ Подробнее об этом: Никольский С.А. Аграрный курс России. М., 2003.

тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами, наживаются на счет нужды остальных»¹¹⁷.

Платонов точно воспроизводит и большевистские мечтания о мировой революции. Ее подготовка стала одной из задач созданного в 1919 г. Москвой III Интернационала, в том числе посредством немалого финансирования. Платонов говорит: «В то время Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала»¹¹⁸. Копенкин, тоскующий о «гражданке Розе», – предугаданный образ Че Гевары и экспорта революции.

Очевидно, что в романе за средневековыми латами товарища Пашинцева видны комиссарские кожанки, за Розой Люксембург – конный бросок Красной Армии на Варшаву и готовящий мировую революцию новый Интернационал, а за устройством заповедника посредством убийства имущих в Чевенгуре или сплава кулаков – выселения и уничтожение «непролетарских элементов» по всей стране. Ошибался ли Платонов в изображении царства смерти?

Играть в революционные игры могут фанатично настроенные или ущербные люди. Неудержимый в своих фантазиях недоросль Саша Дванов и зомбированный революционными лозунгами убийца Копенкин – пара друзей, путешествующих по стране в поисках самосевного коммунизма. «Товарищи грабить поехали, пропасти на них нет!» – так определяет героев встретивший их в степи человек. Впрочем, разрешает себе такую мысль он только тогда, когда отошел далеко. Не Платонов ли это?

В заключительной части повести «Ювенильное море» есть размышление одного из главных героев Николая Вермо: «Зачем строят крематории? – с грустью удивился инженер. – Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования»¹¹⁹. Бред? Нет, еще одна важная грань большевистского сознания – фантазийная.

Зародившись в «Епифанских шлюзах» как идея добычи большой воды для судоходного канала из подземного озера, эта грань никогда не оставалась забытой. В «Котловане» она материализо-

¹¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 310–311.

¹¹⁸ Там же. С. 327.

¹¹⁹ Там же. С. 65.

валась в общепролетарский дом. В «Чевенгуре» – во все, с чем связывают свое бытие герои: от могилы «гражданки Розы» до самосеянного продукта. Однако, в отличие от других произведений, в «Море» фантазийность – чуть ли не главный способ жизнепроявления героев. Ее примеры – идеи извлечения на поверхность «древней воды», лежащей в недрах в «кристаллическом гробу»; выведения вместо обычного скота «социалистических гигантов, вроде бронтозавров, чтобы получать от них по цистерне молока в один удой»; предложение отапливать пастушьи курени «весовой силой обвалов или варить пищу вековым опусканием осадочных пород» и еще многое.

И здесь обнаруживается, что фантазийность не просто полет мысли отдельных чудаков. Будучи изначально рассогласованной со здравым смыслом и научным знанием, она тем не менее постоянно воспроизводится в структурах общественного сознания. Почему же она необходима? Думаю, поскольку фантазийность не контролируется здравым смыслом, у нее действительно обнаруживается драгоценное для царства смерти свойство – ею решается проблема «соседства» живого и мертвого. Фантазия, не претендуя на пространство жизни, одновременно лишает пространства смерть.

Большевизм, поселивший жизнь в смерти, не мог этой возможностью не воспользоваться. Утверждения: «сегодняшние поколения живут ради счастья будущих»; «очистим землю, посадим сад и еще сами успеем погулять в том саду»; «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» – тому свидетельства. Эти идеи – не отрицание жизни, а «превращение будущего в родину».

Обращаясь к фантазийности, Платонов откликается на традицию анализа феномена смерти в русской классике. Но вместо найденного ею способа – установления границы и поиска возможностей удержания смерти на этом рубеже – автор «Моря» предлагает новое решение: смерть вытесняется за границы бытия, поскольку бытие обретает столь фантастические формы, что ни для жизни, ни для смерти места нет. Герои, охваченные фантазиями, не знают страха смерти. И ничего, что жизнь превращается в бред. Это не замечается. Фантазийность к тому же приходит не одна, а со своим спутником – фанатизмом. Поэтому одержимые тем и другим герои смерти не боятся.

О большевистской нетерпеливости уже в начале НЭПа предсмертно, расплывчато и, возможно, с оттенком раскаяния писал Ленин: «Переход к “коммунизму” очень часто (и по военным соображениям; и по почти абсолютной нищете; и по ошибке, по ряду ошибок) был сделан без промежуточных ступеней социализма»¹²⁰. И еще: «О наших задачах экономического строительства мы говорили тогда гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем поступали во вторую половину 1918 г. и в течение всего 1919 и всего 1920 г.»¹²¹. Покаяние? Едва ли.

* * *

Нам ничего не известно о причинах и обстоятельствах смерти поэта Осипа Мандельштама. Мы не знаем места его захоронения. Даже дата – 27 декабря 1938 г. – сомнительна. Несомненно одно: его убила Власть. И как много говорит об этой кончине название того пространства суши, на котором завершилось его земное бытие. Окрестности Владивостока. Лагерный пункт «Вторая речка». Переименованное название одного из миллионов водных потоков, с которыми всегда был связан человек. Теперь в этом обозначенном номером месте по воле большевиков пребывает смерть. Да и как иначе? Ведь нельзя вместо номера дать реке имя. Все имена связаны с жизнью. У смерти имен нет. Поэтому еще у живых приговоренных отнимается имя и дается номер. Они предуготовляются к смерти. С номером же – биркой на ноге – лишённого жизни сваливают в общую яму с названием «братская могила». Название лживо, у братьев есть имена. Пронумерованные не могут быть братьями. Номера означают лишь их очередь на конвейере смерти. И в тридцать восьмом, на последнем участке ленты, в качестве малого физического фрагмента мировой материи Мандельштам участвовал в решении одной из задач большевистской власти – «комплексном освоении ранее необжитых территорий». Эту прижизненную задачу ему определила Власть, отняв предназначение божественное «глаголом жечь сердца людей».

---

¹²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 473.

¹²¹ Там же. С. 156.

Если начинать с 1917 г. и говорить об отношении к революции, то следует идти от первичного, принадлежащего самому Поэту – его стихов. Датированные 16 августа 1917 г. строки – предчувствие под названием «Меганом». В переводе с греческого – «Большое поселение, жилище». Им назван высокий мыс в юго-восточном Крыму. Что формируют в сознании читателя образы поэтического текста?

Спрашивать у живущих о завтрашнем дне бессмысленно. Тени умерших, блуждающие среди цветов забвения, тем более ничего не могут знать о назревающих событиях. До большевистского переворота остается шесть недель. Но характер будущего неминуемо трагичен. Это следует из сверхрационального ощущения-предвидения автора, помещающегося в «пространстве» бытия-небытия между живущими и умершими. Поэт – медиум. Он видит, как под «ветряной луной» летают «хлопья черных роз» и траурной каймой влачится «птица смерти и рыдания». Он ощущает близость смерти. О ней дает знать и «черный парус», возникающий на горизонте после «похорон». Надвигающееся ужасно. Избежать его нельзя. И единственный доступный человеку способ отрешиться от него хотя бы в будущем – забвение.

И вот Октябрь. Первую, легко прочитываемую его оценку Поэт высказывает уже в ноябре. Ленин в стихах назван «октябрьским временщиком», который готовит стране «ярмо насилия и злобы». Из «красной подковы зданий» вылезает на свет низколобый пулеметчик в оцетинившемся «убийце-броневике», а злая чернь рукоплещет, когда на штыки накаляется сердце...

Продолжение темы – декабрьское 1917 г. стихотворение «Кассандре». Прорицательница не ошибается в предсказаниях будущего. Она предупреждала троянцев о спрятавшихся в деревянной статуе греках, но те все равно ввезли коня в город. При гибели Трои была захвачена в плен и та, которая остерегала. Ее история отражается Мандельштамом в стихах о недавней русской трагедии. Нас, только что все потерявших, «мучит воспоминанье» о предостережениях прорицательницы. Что осталось?

На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями –
Свобода, равенство, закон!

Безумен или, напротив, рационален и провокативен человек, осыпаящий волков искрами чужой цивилизации? Могут ли звери внимать ему? Их сдерживает только страх и ровно до той поры, пока перед ними пляшет еще не погасший огонь. Но он недолговечен, а содеянное «низколобыми» непоправимо, и теперь

...На площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума...

То, что «предвестие», «упреждение», «пророчество» органично для гениев, обнаруживает себя двояко. Внутренним путем – из ценностно-смыслового содержания произведений и внешним – их собственными свидетельствами, равно как и заметками современников о том, как авторы создают тексты. Вот, датированный августом 1917 г. «Меганом», – мандельштамовское предвидение Октябрьского переворота.

Тотальному ощущению смерти посвящено и его стихотворение с рефреном «Твой брат, Петрополь, умирает». Но если северная столица близка к смерти, то Москва – «... в торговле хитрая лисица / ... пред князем жалкая раба» – уже приспособилась к новой жизни и все увереннее правит волчьим миром. Правит потому, что в ней, «столице непотребной», в «разбойном Кремле» гнездится большевистская власть, от которой и проистекает смерть.

К счастью, Поэт не все время пребывал в большевистской столице. Была Украина, был Крым. В этот период, когда Власть еще не успела взять его за горло¹²², в стихах Мандельштама обозначается весь грандиозный масштаб его личного восприятия мира, в котором где-то еще есть свобода.

Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко.

---

¹²² Именно это ощущение – взятого за горло человека – передает нам установленная в Воронеже скульптура Осипа Мандельштама, выполненная Лазарем Гадаевым.

Но случившееся случилось, и забыть его невозможно. К «хлопьям черных роз» и «черному парусу» добавляются «Сухие листья октября, / Глухие вскормленники мрака». Стихи датированы «Осень 1920 (1917?)». Впрочем, не важно. А вот «октябрь» вполне читается как имя события. Какова же судьба ожидает его детей, подобных сухим листьям?

И на пороге тишины,
Среди беспамятства природы.
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы.

При всем катастрофизме совершившегося «сухие листья» лишь локальное в пределах мироздания трагическое событие в жизни всего одного из народов. Иные народы – их множество – по-прежнему вечны. Но можно ли этим утешиться? Мы-то в России. А здесь:

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит...

Это «не раньше 25 августа» 1921 г. И уже пришло сознание того, что в стране «распалась связь времен».

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-спасительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

<...>

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.

Случившееся – распад – очевиден. Исполнение возложенной на Поэта миссии – флейтой «связать» позвонки веков – сомнительно. Культура – подобие горящих головней, которыми до времени можно пугать волков. Но и без нее – миссии культуры – в жизни не оста-

ется никакой надежды, и, кроме того, в силах ли Поэт избавиться от своего предназначения быть флейтой? И хотя он и ощущает себя ничтожно малым, это не мешает ему выполнять ему назначенное.

Я – трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу.

<...>

Лишив меня разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Еще одна важная часть мироощущения Поэта – слитность с окружающими. Он неизменно определяет себя как часть единого целого, ужасного, но все же накрепко связанного родственными узами:

Пора вам знать: я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея,
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать,
Ручаюсь вам – себе свернете шею!

Но, в отличие от «ужасного – родственного – целого», он обречен на собственную особую миссию-работу. Поэт награжден (скорее, как несущий трагическую весть гонец, гибельно назначен) артикулировать виденное – свершающийся ужас:

Я больше не ребенок!
Ты, могила,
Не смей учить горбатого – молчи!
Я говорю за всех с такою силой,
Чтоб небо стало небом, чтобы губы
Потрескались, как розовая глина.

К тому же ужас состоявшегося мира многообразен. И нужно (назначено) успеть сказать обо всем виденном. Вот Крым эпохи коллективизации:

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани...
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

Но это – взгляд снаружи. А вот то, что он несет в себе, что чувствует сам. Из личных уральских впечатлений:

Там я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.
А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала, трех конвойных везла.

И параллельно не покидающая Поэта пытка-наваждение – предчувствие будущего:

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.
Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.
Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.
Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

Отдельно стоит рассмотреть, как звучит у Мандельштама тема русского народа, традиционно любимого и перевозносимого отечественной интеллигенцией. Все близко знавшие Поэта отмечали его живейший интерес к тому, что народом именовалось, а для Поэта – ко всем людям без исключения. Однако из этого вовсе не следует, что он, подобно Льву Толстому, тяготел к «народопоклонству» или и вовсе, как Достоевский со своим «мужиком Мареем» или идеей «всечеловечности», впадал в мифотворчество. Напротив, в его прозаическом произведении «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”» по поводу неоднозначно трактуемой сцены толпы у царских палат с последующим знаменитым пушкинским заключением «Народ безмолвствует» встречаем следующую оценку: «Крик отвратительной, слепой ненависти, который вырывается у мужика на амвоне: “Вязать Борисова щенка!” – заставляет нас окончательно разувряться в какой бы то ни было нравственной миссии народа»¹²³.

Народ для Поэта – все те, с кем он живет рядом. С кем рядом он в одиночку работает. Не более того. Для понимания именно такого толкования – еще несколько образов:

¹²³ Мандельштам О. Полн. собр. соч. поэзии и прозы в одном томе. М., 2010. С. 276.

...Но как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу – и люди хороши.

<...>

...Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь – сам-друг...

<...>

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о Полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га!

<...>

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи –
Как прицелясь насмерть, городки зашибают в саду, –
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топориче найду.

Признания – «люди хороши», «звучит земля», «лишь бы только любили меня». Чего большего ждать от сокровенного высказывания?

Но если отношения Поэта с народом – это жизнь и разговор с родственниками, с родными, какими они бы ни были – хорошие или дурные, то с Властью у Мандельштама, как и у многих подходящих ему «по рангу», все сложнее. Из хрестоматийного на ум сразу же приходит разговор Пастернака с позвонившим ему Сталиным. В этом разговоре Борис Леонидович напрямую Мандельштама не защитил¹²⁴. Хотя Надежда Яковлевна и не склонна его за это осуждать. Ей виднее.

¹²⁴ «Сталин сообщил Пастернаку, что дело Мандельштама пересматривается и что с ним все будет хорошо. Затем последовал неожиданный упрек: почему Пастернак не обратился в писательские организации или “ко мне” и не хлопотал о Мандельштаме. “Если бы я был поэтом и мой друг поэт попал в беду, я бы на стены лез, чтобы ему помочь...”

Ответ Пастернака: “Писательские организации этим не занимаются с 27-го года, а если б я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего бы не узнали...” Затем Пастернак прибавил что-то по поводу слова “друг”, желая уточнить характер отношений с О.М., которые в понятие дружбы, разумеется, не укладывались. Эта ремарка была очень в стиле Пастернака и никакого отношения к делу не имела. Сталин прервал его вопросом: “Но ведь он же мастер, мастер?” Па-

Что определяло отношения Мандельштама и власти? Поэт не принял главное детище Власти – Октябрь и в значительной мере спровоцированную после него большевиками гражданскую войну¹²⁵. И эта линия в его творчестве шла постоянно, включая знаменитое:

Мы живем, под собою не чуя страны...

Но было и иное. Наверное, сочиненное в ужасе от каждодневного ожидания расправы. Ужас длился годами. (Однажды Мандельштам даже пытался покончить с собой, выбросившись из окна.) Вот – из тридцать пятого:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронешь меня или вернешь, –
Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...

А в начале тридцать седьмого неожиданно и впоследствии тягостно для самого себя прорвало:

Я рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
Ста сорока народов чтя обычай...

Он «мужество улыбкою связал». «И в дружбе мудрых глаз... / вдруг узнаешь отца». «...Ему народ родной...». «Могучие глаза решительно добры, / Густая бровь кому-то светит близко». «Весь – откровенность...». «Он улыбается улыбкою жнеца». «Есть имя славное для сжатых губ чтеца – / Его мы слышали и мы его застали». «Хочу его назвать – не Сталин, – Джугашвили». Следом – еще более сильное:

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:

стернак ответил: “Да дело не в этом...” – “А в чем же?” – спросил Сталин. Пастернак сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить. “О чем?” – “О жизни и смерти”, – ответил Пастернак. Сталин повесил трубку» (цит. по: *Мандельштам Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 2006. С. 171).

¹²⁵ Роспуск большевиками Учредительного собрания, а к лету 1918 г. и советов, которые в сельской местности заменили Комитетами бедноты, по признанию Ленина, была необходимая мера для перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической посредством переноса классовой борьбы в деревню, то есть из нескольких городов с организованных в них большевистскими мятежами – на пространство всей страны.

Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет
И что народ как судия судит...
Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы, –
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит глениа,
Будет будить разум и жить Сталин.

Как относиться к неприкрытому, хотя и довольно сдержанному славословию? Многие, пишет Н.Я. Мандельштам, советовали уничтожить стихи, будто ничего подобного никогда не было. «Но я этого не делаю, потому что правда была бы неполной: двойное бытие – абсолютный факт нашей эпохи, и никто его не избежал. Только другие сочиняли эти оды в своих квартирах и дачах и получали за них награды. Только О.М. сделал это с веревкой на шее... Ахматова – когда веревку стягивали на шее у ее сына. Кто осудит их за эти стихи?»¹²⁶ И вправду, не нам судить. Потому что в то время не жили и неспособны хотя бы в малой степени вообразить кошмар тогдашнего бытия. И потому что это – поступок великого человека. И потому, что наряду с этими стихами есть противоположные, всеобъемлющие¹²⁷, заведомо гибельные.

Очевидно, относиться следует как к одной из красок на огромной словесной картине, оставленной художником-поэтом. Впрочем, сам Поэт как завещание потомкам (март 1937) произносит:

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое расколите
Вы на синего звона куски...
И когда я умру, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Чтоб раздался и шире, и выше
Отзвук неба во всю мою грудь!

Сердце Поэта методично раскалывали на куски все двадцать лет, при советской власти прожитые. Об этом – Надежда Мандельштам.

¹²⁶ Мандельштам Н. Воспоминания. Т. 1. С. 240.

¹²⁷ «Думаю, что он не хотел уйти из жизни, не оставив недвусмысленного высказывания о том, что происходило на наших глазах» (там же. С. 186).

Восприятие мира Мандельштамом, передаваемое его стихами, органично дополняется мемуарной прозой жены, женщины удивительно умной и проницательной. С выходом ее трехтомника мы получили редкую возможность не только увидеть изнутри то событийное, что случалось с Поэтом. Может быть, еще более ценны «сторонние», сделанные с близкого расстояния наблюдения, поданные через точные, беспощадные в своей прямоте оценки «большевистского времени».

Что обеспечивало их точность? Почему я думаю, что их нельзя потерять среди иных наблюдений подобного рода? Конечно, мы не найдем в них столь привычного гуманитариям анализа. Они не «вписаны» в какую-либо теорию, не подтверждают/опровергают предлагаемую автором какую-либо «концепцию». Но все же они ценны тем, что не позволяют после их усвоения поддаваться на принятие какой-либо легковесной конструкции. Они задают тональность, уровень и критерий, дающий возможность в дальнейшем, если повезет, смотреть на историю трезво и глубоко. Что же позволило Надежде Яковлевне дать нам такое видение? Наверное, ее и Поэта близость, почти слитность, которую он называл «мое “ты”»¹²⁸.

Общество двадцатых годов безоглядно разрушило прежние ценности и нашло новые, как ему казалось, нужные универсальные формулы: «молодое государство, невиданный опыт, лес рубят – щепки летят... Каждую казнь оправдывали тем, что строят мир, где больше не будет насилия, и все жертвы хороши ради неслыханного «нового». Случилось то, что и должно было случиться: цель стала оправдывать средства, а потом и вовсе исчезла. И это нельзя считать только делом большевиков. Сами люди двадцатых годов начали аккуратно отделять своих от чужих, сторонников «нового» от тех, кто еще на забыл самых примитивных правил общежития.

Взаимная слежка стала основным принципом, посредством которого общество самоуправлялось, а власть управляла обществом. «Служащие несли свой мед директору, секретарю парторганизации и в отдел кадров. Учителя при помощи классного самоуправления – старосты, профорга и комсорга – могли выжать

¹²⁸ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 2006. С. 137–138.

масло из любого школьника. Студентам поручалось следить за лектором. Взаимопроникновение тюрьмы и внешнего мира было поставлено на широкую ногу»¹²⁹. Постепенно люди «перестали встречаться друг с другом», чем достигались далеко идущие цели органов. Кроме постоянного сбора информации власть добилась ослабления связей между людьми, в конечном счете – разъединения общества, дополняя слежку теми, с кого брали подписки о «неразглашении». Естественно, что, когда «время большевиков» начало иссякать, все эти толпы «подписантов» оказались обречены жить под вечным страхом разоблачения и, как и кадровые служащие органов, стали заинтересованы в незыблемости порядка и неприкосновенности архивов, в которых были их имена.

Общество не только перестало хотя бы минимально самоуправляться. Оно утратило свой родовой признак – быть связью между людьми. «...Все промежуточные звенья – семья, свой круг, сословие, общество – внезапно исчезли, и человек очутился перед таинственной силой, которая именуется власть и служит распределителем жизни и смерти. В просторечье у нас это назвалось Лубянка»¹³⁰.

Но на этом процесс не остановился. Вслед за исчезновением связей исчезла личность отдельного человека. Даже закоренелый индивидуалист для того, чтобы утвердиться в индивидуализме, должен иметь точку для отрицания. Еще более это необходимо для нормального становления личности.

Постоянное пребывание в уверенности о неизбежности происходящего и ужаса от совершавшегося изменило психику общества. Тотальная необходимость подчинения разрушила личную ответственность и понятие греха. Более того, происходящее воспринималось (и это последовательно насаждалось властью) как установленное отныне и на века. «Всех охватило сознание, что возврата нет. Это чувство было обусловлено опытом прошлого, предчувствием будущего и гипнозом настоящего. Я действительно утверждаю, что все мы, город в большей степени, чем деревня, находились в состоянии, близком к гипнотическому сну. Нам действительно внушили, что мы вошли в новую эру и нам остается только подчиниться исторической необходимости, которая, кстати,

¹²⁹ *Мандельштам Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 49–50.

¹³⁰ *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 8.

совпадает с мечтами лучших людей и борцов за человеческое счастье. Проповедь исторического детерминизма лишила нас воли и свободного суждения»¹³¹.

Происходящее в реальности настолько напоминало бред, что люди со здоровой психикой предпочитали закрывать глаза. Но «психическая слепота» не проходила даром: слепота разлагала всю душевную структуру. В любом случае ослепление было столь сильно, что, когда случилась «хрущевская оттепель», эта перемена приспособившимися, в частности доносившими и сажавшими, была воспринята крайне болезненно: раз людям обещали, что ничего больше меняться не будет, то нельзя допускать никаких перемен. Пусть остановленное время продолжает стоять.

* * *

Явление Поэта в мир прошло почти незамеченным. Может быть, наиболее внимательно его жизнь и творчество отслеживала именно Власть, справедливо видевшая в нем одну из наибольших для себя угроз. Сам Мандельштам об этом не без гордости говорил: стихи в России имеют особое значение – за них убивают.

Каждый, кто был готов никогда не принимать «ценностей» большевизма, перестроенным знанием укрепились. Но значительная часть общества и еще менее власть не озаботились лечением себя и тех, кто большевизмом был инфицирован или к нему предрасположен. И тоталитарное варварство, небрежение культурой не замедлили дать новые ростки. Похоже, «время большевиков» не ушло. Вот почему при всех переменах мы по-прежнему «...живем, под собою не чуя страны...».

* * *

Негаснущий интерес потомков к большим художникам определяется разными основаниями. От Маяковского, чья жизнь совпала со временем революционного слома, мы, кажется, вправе ожидать попытки осмысления революции как процесса, развернувшего

---

¹³¹ Мандельштам Н. Воспоминания. Т. 1. С. 60.

гося в стране не только в октябре, но и после. Ведь «слово живет вне себя, в своей живой направленности на предмет... Изучать слово в нем самом, игнорируя его направленность вне себя... бессмысленно»¹³². При этом важно понимать, что художники – свидетели больших исторических событий – невольные творцы памяти, в которой эти события будут зафиксированы в сознании потомков. И это налагает на них еще большую меру ответственности.

Попытку осмысления современной ему революционной реальности и, соответственно, конструирования своего варианта памяти начал предпринимать Александр Блок. То же делали Осип Мандельштам, Андрей Платонов, многие художники XX в.. Опыт, память, созданная Маяковским, явила другое. Хотя поэт и жил во время революции, тем не менее все же оставался вне многих ее существенных проявлений, становившихся чем далее от Октябрьского переворота, тем более несовместимыми с революционными лозунгами. Занятое им в жизни и истории место было не в гуще современников, действующих на исторических подмостках, а на авансцене, перед миром-публикой. За редкими исключениями, он не вникал ни в замыслы вершителей революции, ни в их реальные дела. И хотя, по слову Марины Цветаевой, он «первый в мире поэт масс», агитатор, горлан-главарь, но он все же вне революции творец памяти, далекой от реальности.

* * *

Из тех, кто всерьез пробовал понять Маяковского, – прежде всего философ К.М. Кантор в «Тринадцатом апостоле»¹³³. Его мысль в том, что история может быть представлена как развивающийся процесс филиации идей, а может – как социокультурная эволюция, которая началась задолго до истории. Потоки идей и реальной жизни – «двойная спираль материально-телесных, душевно-нравственных и духовных движений», которые могут не совпадать. Исходный пункт истории – Иисус Христос. Что до России,

¹³² Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 105.

¹³³ Кантор К.М. Тринадцатый апостол. М., 2008.

то в ней только Маяковский приял всю историю целиком, показал внутреннюю связь учений Христа и Маркса и потому должен именоваться тринадцатым апостолом основателя мировой религии. Маяковский, утверждает Кантор, обладал не мудростью знания, а мудростью веры и по этой причине занимался «самой апостольской работой» – агитацией и пропагандой нового христианского, почти равного марксовскому, мировоззрения и образа жизни. И хотя мысли эти кажутся искусственными, представим на минуту, что все было именно так. Но при этом не снимаются вопросы: насколько пропагандируемое учитывало реальную жизнь?

На другую «сторону» Маяковского – собственно творчество поэта – обращает внимание писатель и публицист Д.Л. Быков. Для него «невписываемость» Маяковского в послереволюционную Россию прежде всего результат проявившихся у поэта «титанизма, сверхчеловечности и гиперболизма» – отличительных черт советской эстетики, в то время как послеоктябрьский период чем дальше, тем больше требовал «винтичности и будничности». По этой причине футурист-бунтарь стал рупором официоза. По мнению Быкова, парадоксальную актуальность сохраняют не собственно поэтические, а прикладные тексты Маяковского: реклама, окна РОСТА, агитброшюры, политические стихи, выпады против коллег. В них он открыл великое множество риторических приемов, которые применимы к любой теме и пригодны во всякую эпоху¹³⁴. Значит, снова: поэт Маяковский не адекватен своему времени, его ведущим идеям и событийному ряду?

«Я не твой, снеговая уродина!» – этой строкой литературовед и писатель Л.А. Аннинский чертит свой знак понимания Маяковского, охватывая его творчество от момента юношеской ненависти как «формулы самоопределения», проклятия тому миру, в котором он появился на свет, до «адовой работы» строительства рая. Но у Аннинского рай Маяковского-агитатора (совсем не апостола) вызывает сомнение: «...ради спасения жизни – выкорчевать жизнь. Приобретение в лучшем случае равно утрате. Чтобы всех сделать счастливыми, надо всех скрутить. **“Но всех скрутить ужасно трудно”**»¹³⁵. Опять Маяковский – человек, не адекватный реальности

¹³⁴ *Быков Дм.* Тринадцатый апостол. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях. М., 2016.

¹³⁵ *Аннинский Лев.* Красный век. Эпоха и ее поэты. Т. 1. М., 2009. С. 190.

и пытающийся найти способ по собственному разумению изменить жизнь? Способ заведомо гибельный. Или и в самом деле он – «ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго еще нас будет ждать»?¹³⁶.

И, наконец, слово Бориса Пастернака: «Его место в революции, внешне столь логичное, внутренне столь принужденное и пустое, навсегда останется для меня загадкой»¹³⁷. Принуждение – внешнее (других) или собственное (самого себя)? В итоге – место пустое.

Место поэта вне революции неожиданным образом аукнулось недавно, в 2007-м, в год столетнего юбилея Варлама Шаламова, когда вышел телефильм «Завещание Ленина». В ленте, поставленной по произведениям Шаламова (сценарист Юрий Арабов и режиссер Николай Досталь), есть придуманная кинематографистами сцена. Один из заключенных по заданию администрации лагеря выдает себя за Хренова – героя стиха Маяковского и читает в бараке «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка». Рефрен стиха:

«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»

выливается в финальное – гордое обещание-уверенность:

Я знаю –
город
будет,
я знаю –
саду
цвествь,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!¹³⁸

¹³⁶ *Цветаева М.* Полн. собр. поэзии, прозы, драматургии в одном томе. М., 2010. С. 787.

¹³⁷ *Быков Дм.* Борис Пастернак. М., 2006. С. 275.

¹³⁸ *Маяковский В.* Полн. собр. стихотворений, поэм и пьес в одном томе. М., 2011. С. 698–699.

Эпизод завершается истошным криком персонажа: «Б...! Я жрать хочу, не могу! Жрать хочу! Дайте...».

Пафосный стих-агитку поэта интерпретаторы столкнули с реальностью. У Маяковского строители всего лишь в дождь сидят под телегою и жуют подмокший хлеб. Но их трудное житье несравнимо с эковским существованием на грани смерти. Ведь уже к 1929 г. эки стали большим советским миром: только за «контрреволюционные преступления» в СССР было осуждено около 600 тысяч. В этом же году принято решение о создании сети лагерей для «эксплуатации их природных богатств» и зимой 1930 в них поместили 400 тысяч заключенных¹³⁹. О чем же слово Маяковского? Насколько Маяковский как современник революции был адекватен изменяющейся реальности, включен в процессы, протекавшие в стране через годы после переворота 25 октября? В том числе если признать (что я и делаю), что революция не завершилась собственно октябрьским переворотом, а продолжалась по крайней мере до завершения коллективизации и политических расстрельных процессов тридцатых годов.

С весны 1918 г. большевики начали проводить политику военного коммунизма. Среди ее составных частей главными была продразверстка, уничтожение кооперации, введение всеобщей трудовой повинности, «культурная революция», гонения на религию и разграбление церкви. Одним из следствий этой политики, наряду с природным фактором, стал голод 1921–1922 гг.¹⁴⁰.

Что знал об аграрной политике большевиков певец революции? В какой-то мере об уровне его осведомленности свидетельствует стихотворение 1920 г. «Всем Титам и Власам РСФСР». Герои – два брата-кулака, которым для ремонта дома потребовались гвозди. Старший Тит – «глупый, как камень», отправляется в город и обнаруживает неработающий гвоздильный завод, в котором:

...рабочий зря без дел сидит.
«Я, – говорит, – голодный.
Дай, Тит, рабочим хлеб взаимы,
мы здесь сидим не жравши,

¹³⁹ История России. XX в. Т. 1. 1894–1939. М., 2009. С. 820.

¹⁴⁰ *Никольский С.А.* Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М., 2003.

а долг вернем гвоздями мы
крестьянам, хлеба давшим».
Взъярился Тит: «Не дам, не дам
Я хлеба дармоеду.
Не дам я хлеба городам,
И без гвоздя доеду»...¹⁴¹.
Дело поправляет другой брат:
...Влас молвил, Тита поумней.
«Ну что ж, бери, родимый,
наделаешь гвоздей и мне
ужо заплатишь ими».
Рабочий сыт, во весь свой пыл
в трубу дымище гонит.
Плуги, и гвозди, и серпы
деревне мчит в вагоне.
Ясней сей песни нет, ей-ей,
кривые бросим толки.
Везите, братцы, хлеб скорей,
чтоб вас не съели волки¹⁴².

На рост бюрократии Маяковский, как известно, откликнулся стихотворением «Прозаседавшиеся» (1922 г.), получившим похвалу Ленина и ставшим хрестоматийным. В частности, выходило – и это откладывалось в памяти для будущих поколений, что власти не скверно организуют и управляют, безмерно потребляют, но всего лишь много заседают.

Можем ли мы формулировать суждение по поводу того, на что поэт не обратил внимания? Подозревать его, например, в нежелании взглянуть на проблему глубже? Думаю, вообще такого рода замечания неверны. Однако в случае, когда поэт, приписавший себе право говорить от «имени масс», не раз и не два обходит стороной (не замечает или делает вид, что не замечает) проблемы жизненно важные, право на оценку у читателя возникает.

Кроме трагических событий продрозверстки и голода, Владимир Маяковский также счел нужным включиться в развернутую большевиками борьбу против православия, используя для этого

¹⁴¹ *Маяковский В.* Полн. собр. стихотворений, поэм и пьес в одном томе. М., 2011. С. 72.

¹⁴² Там же. С. 73.

повод конфискации советской властью церковных ценностей. Известно, что еще в начале 1922 года Церковь добровольно начала жертвовать в помощь голодающим ценные предметы, не имеющие богослужебного употребления. Признание этого факта, однако, не входило в планы антирелигиозной борьбы властей, и с марта началась их принудительная конфискация. При том, что конфискованное имущество оценивалось в 25 миллиардов золотых рублей, на помощь голодающим было истрачено лишь около 1 миллиона: в тогдашних первоочередных заботах власти было разжигание мирового революционного пожара. Сопротивление верующих ограблению жестоко подавлялось. Так, только в результате развязанного ГПУ террора в 1922–1923 гг. было убито 2690 священников, 5410 монахов и монахинь, закрыто 637 монастырей¹⁴³.

Вряд ли эти события были неизвестны людям, интересовавшимся политикой, не затронули гуманитарные и интеллигентские круги, в которых постоянно вращался пролетарский поэт. Однако откликнулся он на них торжествующе-злым стихом «Когда мы побеждали голодное лихо, что делал патриарх Тихон?»:

Тихон патриарх,
прикрывши пузо рясой,
звонил в колокола по сытым городам,
ростовщиком над золотыми трясся:
«Пускай, мол, мрут,
а злата –
не отдам!»

Чесала языком их патриаршья милость,
и под его христолюбивый звон
на Волге дох народ,
и кровь рекою лилась –
из помутившихся
на паперть и амвон.
Осиротевшие в голодных битвах ярых!
Родных погибших вспоминая лица,
знайте:

Тихон
патриарх
благословлял *убийцу*.
За это

¹⁴³ История России. XX в. Т. 1. 1894–1939. С. 809.

власть Советов,
вами избранные люди, –
господина Тихона судят¹⁴⁴.

Приведенные примеры «встречи» поэта с реальностью, его методы сотворения памяти ставят вопросы, на которые нужен ответ. Кто способствовал голоду – рукотворному и стихийному бедствию? Кто организовал травлю священников и верующих? То, что мы узнаем, отлично от ответов Владимира Маяковского. И дело не только в исторической дистанции, дающей известную фору в понимании происходящего. Факту выборочного видения или слепоты в отношении того, что видели в России все, кто имел глаза, требуется объяснение. Похоже, здесь уместны слова Марины Цветаевой: «сколько ни заявляй Маяковский: “Я – это все! Я – это мы!” – он все-таки одинокий товарищ, неравный ровня, *атаман – ватаги*, которой нет, или *настоящий атаман которой – другой*» (выделено мной. – С.Н.)¹⁴⁵.

При всей своей демонстративной независимости и смелости Маяковский был весьма чуток к движениям власти, улавливал исходящие от нее сигналы. К примеру, в поэму «Владимир Ильич Ленин», датированную 1924 г., он включил строки:

Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гула
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики.
– Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он
там. – ¹⁴⁶

¹⁴⁴ Маяковский В. Полн. собр. стихотворений, поэм и пьес в одном томе. С. 130.

¹⁴⁵ Цветаева М. Полн. собр. поэзии, прозы, драматургии в одном томе. С. 795.

¹⁴⁶ Маяковский В. Там же. С. 944.

Маяковский в Смольном в дни Октябрьского переворота был. Сталин не был. Зачем поэту домысел?

Идеи, идеалы и лозунги календарного 25 октября 1917 года, воспринятые Маяковским именно во время петроградских событий, неуклонно тиражировались-переиздавались вплоть до кончины в апреле 1930 г. К тому же не исключено, что поэт и в самом деле верил, что его Слово – высшая сила, способная творить реальность.

Предложенный мной критический ракурс рассмотрения революционного творчества Владимира Маяковского не является попыткой повлиять на его оценку как большого поэта. Есть множество стихов, которыми поэт и в самом деле «раздвигает пространство», и это «явно до всякой своей роли «исторического свидетельства» имеет гораздо более близкий «...смысл *выхода из тесноты на простор*, события, которое на более привычном языке называется *вдохновением*, которое лучше понимать самым широким образом, почти формально как расширение при вдыхании воздуха»¹⁴⁷.

Тем не менее Октябрь навсегда остался-застыл в глазах Маяковского двадцать пятым числом, а на последующее время он смотрел широко закрытыми глазами. И, может, накануне его последнего рокового дня жизнь открылась ему именно такой, какой она в реальности и была.

* * *

Анна Ахматова, как вспоминают друзья, сочиняя стихи, почти неслышно «бурчала». Но кроме превращения в голос личного молчания она слушала молчание народа. Что об этом думала? В ее рабочей тетради находим слова из надгробной речи епископа Сенезского Де Бове Людовику XV: «Народ не имеет права говорить, но, без сомнения, имеет право молчать!.. И тогда его молчание является уроком для королей!»¹⁴⁸. Не слишком ли обнадеживающе для России? У народа Франции не было права говорить, что не означает, что говорить он не умел. Напротив, умел и делал это часто. А вот умел ли говорить народ на родине великого поэта?

¹⁴⁷ Бибихин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб., 2009. С. 22.

¹⁴⁸ Цит. по: Коваленко С. Анна Ахматова. М., 2009. С. 271.

Не думаю, что в России, славящейся своей «стабильностью» во многих отношениях, народ во времена Анны Андреевны сильно отличался от нынешнего. Большевизм, в пору расцвета которого довелось жить Ахматовой, по свидетельству философа Федора Степуна, создал в стране невиданную в истории «фабрику единообразных человеков». Послушаем: «Очевидно, государственный деспотизм не так страшен своими политическими запретами, как своими культурно-педагогическими заданиями, своими замыслами о новом человеке и новом человечестве»¹⁴⁹. В переделке народа замысел, надо признать, удался. Но остается вопрос: что под народом понимать?

Неоднократно замечалось то, что позднее сформулировал Николай Бердяев: «Если творец хочет выразить судьбу своего народа и разделить ее, то потому, что он внутренне с ней связан, и даже, может быть, более с ней связан, более есть настоящий народ, чем бескачественная народная масса. О народе мы судим прежде всего по его гениям, по его вершинам, а не по обыденной жизни человеческих масс, по качеству, а не по количеству»¹⁵⁰. В этом замечании, как видим, маятник отношения к народу от точки необъятной любви качнулся к другой точке – уничижения: «бескачественная масса», «количество»... При том, что понимание слов: «творец... связан с народной судьбой более, чем сам народ» – отдано на волю читателя.

Бердяевское суждение оттеняет принципиально иную позицию Ахматовой, выраженную неоднократно. Например, в «Решке» – второй части «Поэмы без героя» – чеканно-четко:

Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, «стопятниц»¹⁵¹, пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспмятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы¹⁵².

¹⁴⁹ *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 214.

¹⁵⁰ *Бердяев Н.* О творческой свободе и о фабрикации человеческих душ // Анна Ахматова: PRO ET CONTRA. Антология. Т. 2. СПб., 2005. С. 102.

¹⁵¹ «Стопятницами» именовали репрессированных женщин, которым позволялось проживать только за чертой больших городов – «за сто пятой верстой». Позднее, в послевоенном СССР была введена норма и понятие «сто первый километр».

¹⁵² *Ахматова А.* Полн. собр. поэзии и прозы в одном томе. М., 2010. С. 527.

В том положении, в котором жила Ахматова и в котором жили сотни тысяч и миллионы, невозможно помыслить бердяевскую диспозицию «творец» – «народ». Мысль – творец более, чем народ, связан с народной судьбой – не работает. Они вровень.

Но равняли Поэта и народ не только безмерные страдания и горе. Сама же Ахматова констатирует иное – всеобщее поравнение людей смертью, ее тотальное и постоянное, вневременное доминирование над жизнью.

Со встречи голоса и молчания – молчания как смерти – начинается главное произведение Поэта. И далее смерть в разных своих ипостасях присутствует в каждой строфе поэмы. А поскольку ее части писались в разное время, то, стало быть, это ощущение не покидало Ахматову никогда. Вспомним о некоторых упоминаниях «молчания – смерти»: стоящие в тюремной очереди женщины «*мертвых бездыханней*» и охвачены «*смертельной тоской*»; у каждой «*словно с болью жизнь из сердца вынут*». Это время – когда «*только мертвый спокойствию рад*», а над еще живыми «*звезды смерти стояли*», а летящие недели «*о смерти говорят*». Специальная часть поэмы напрямую обращена к смерти:

Ты все равно придешь. Зачем же не теперь?
Я жду тебя. Мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, –
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Струится Енисей,
Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас затмевает¹⁵³.

В отличие от классиков XIX в. и от **Андрея Платонова**, классика века XX в поэзии Ахматовой трактует отношение «молчание – голос» несколько по-иному. Посредством соединения голоса Поэ-

¹⁵³ Ахматова А. Полн. собр. поэзии и прозы в одном томе. С. 292.

та и молчания Народа смерть как молчание преодолевается. Народ начинает жить посредством Поэта, а Поэт обретает бессмертную жизнь, соединяясь с телом Народа. Это интуитивно почувствовала большевистская власть, когда в своей беспощадной борьбе с народом вдруг обнаружила, что прежде всегда безмолвный предмет ее усилий обрел голос.

Почему этого не было у Платонова? Возможно, потому что он первым в XX в. открыл свою страшную истину об СССР. В описанном им мире «живут» мертвецы, которые хотя и двигаются, подобно живым, но все немые, подобно мертвым. Отсюда – нечеловеческая речь платоновских героев.

Теперь же за народ говорит поэт. Но даже у большого поэта голос есть не всегда. Будем снисходительны. Иногда и он отступает, не выдерживая страшного противостояния со смертью в лице могущественного государства или тирана. В этот момент он на время становится немым, потому что восхваление смерти – конец жизни, отсутствие голоса.

Тема молчания и голоса неожиданно расширяется и дробится, будучи соотнесенной с бытием Ахматовой, Мандельштама и Платонова. Приведу относящееся к Ахматовой, но оно же – копиркой – повторяется у двух других.

Светлана Коваленко констатирует: «Бездомность была характерной приметой быта и бытия Анны Ахматовой. С тех пор как она в 1916 г. ушла из дома Гумилева, у нее не было своего дома, даже когда Союз писателей дал ей квартиру, а затем и знаменитую «будку», как она называла свою дачу в Комарове»¹⁵⁴. Мандельштам и Платонов – тоже вечные скитальцы.

«Меня не знают», – раздраженно и горестно говорила Анна Ахматова в последние годы жизни, когда “Реквием” и “Поэма без героя” уже были опубликованы за рубежом, по-прежнему оставаясь под запретом на родине»¹⁵⁵. Запрет на стихи Мандельштама был всегда. Так же под запретом печататься творил Платонов. «Тропинкой над пропастью» называла Ахматова свою жизнь с 1925 по 1939 г.: «...мое имя вычеркнуто из списка живых»¹⁵⁶. А то,

¹⁵⁴ Коваленко С. Указ. соч. С. 224.

¹⁵⁵ Там же. С. 226.

¹⁵⁶ Там же. С. 235.

что все же писалось, было откликом на нестерпимую боль безвыходного горя. В полной мере это и про двух других тоже. Задушенный голос – инобытие молчания? Конечно.

Недавно кинорежиссер Александр Сокуров поделился наблюдением: «Вижу миллионы безграмотных людей не только с точки зрения родного языка, но и с точки зрения всеобщей грамотности – социальной и культурной. Абсолютно дремучее состояние людей, которых можно повести за собой под любыми знаменами: нацистскими, тоталитаристскими, националистическими»¹⁵⁷. Все это – немые и, что еще страшнее, не озабоченные обретением своего или чужого, говорящего о тебе голоса. Ахматова не воспринимает народ как конкретную реальность. Ее позиция – полное с ним единство: «...там, где мой народ, к несчастью, был». Иное у Осипа Мандельштама.

Еще иное – у Андрея Платонова. В отличие от поэтов, автор «Котлована» к народу, пожалуй, наиболее открыт и честен. А потому беспощаден. В одном из рассекреченных недавно доносов на него слышим его собственный голос: «...люди живут сейчас не по внутреннему закону свободы, а по внешнему предначертанию и все они сукины дети»¹⁵⁸. Вот так: жестко, без разбора. Так о народе – не он первый. Хорошо известна писательская позиция Варлама Шаламова: беспощадно мстить всем сукам, уничтожавшим людей в советских лагерях. Голосом мстить тем, у кого его не только нет, но кто никогда не хотел, чтобы он был. Немым, которые хотели заставить замолчать говоривших. В тюремной очереди у Ахматовой спросили:

– А это вы можете описать?

И она ответила:

– Могу.

---

¹⁵⁷ Сокуров А. Кино и жизнь. URL: <http://www.businesspuls.ru/archives/2426> (дата обращения: 06.01.2017).

¹⁵⁸ URL: <https://www.facebook.com/alex.bomza/posts/680716728641509> (дата обращения: 06.01.2017).

Замятин, Пильняк, Блок, Мандельштам, Андрей Платонов, Ахматова – таков далеко не полный, но, несомненно, лучший, «первого ряда» литературный контекст, в пределах которого и, возможно, не сознавая этого, входил в послеоктябрьскую литературу Варлам Шаламов. Были ли эти авторы и их творения известны ему? Думаю, любой ответ не важен. Значимо то, что и они, и он одинаково ощущали воздух, которым дышала страна, сходно мыслили о ней и начавшихся в ней переменах.

Важнейшим для понимания творчества Шаламова является вопрос: как он воспринимал Октябрьскую революцию и пришедшую с ней Советскую власть? Конечно, десятилетнему ребенку или двадцатилетнему юноше, участвовавшему 7 ноября по случаю десятилетия Октября в демонстрации оппозиции под лозунгом «Выполним завещание Ленина!», понять ленинские истоки сталинизма вряд ли было под силу. Но у него зоркие глаза и все сохраняющая память. И поэтому спустя десятилетия он все же отвечает на этот вопрос, в частности, на страницах «Четвертой Вологды».

В захвате власти Ленин и большевики сделали ставку на крестьянство, прежде всего его низовую часть, бедняков. С октября 17 года в стране началась война против сельской кооперации: хозяйственная власть самодеятельного населения должна была быть уничтожена диктатурой. Весной 1918 г. в деревнях распущены Советы, в которые ранее были избраны по большевистской квалификации сплошь «кулаки» и «средняки». Их место заняли Комитеты деревенской бедноты с целью отъема и перераспределения продовольствия исключительно руками государства. Лозунг «У кого хлеб – у того и власть» витал в воздухе.

Одновременно большевики узурпируют духовную власть. Священство, православная вера, присущая лучшей части народа, уничтожаются последовательно и неуклонно. «Особенно тяжелым был удар по узкой прослойке ученых либеральных священников от Булгакова и Флоренского. Если Булгаков, Флоренский, Бердяев, Сорокин с трудом, но еще могли найти для себя защиту или выход в Москве, в столице, то уж для провинциальных свободомыслящих не было пощады. Их била – уничтожала, оскопляла – и «черная сотня», и власть – по принципиальному догматическому

положению»¹⁵⁹. Шаламов, сын священника, хорошо знал эту среду и отчетливо понимал, что делала со священством советская власть. Но не отстаёт от власти и простолюдин.

Крестьян или «русский народ», высоко чтимый частью отечественной интеллигенции, мальчик Варлам видит в доме отца, вспоминает их посещения, наряду с постоянными ночными обысками, как самое на его памяти омерзительное. Новые хозяева мира хлюпают грязными валенками, шумят в комнатах. Мебель после их визитов исчезает. Вся «стяжательская крестьянская душа» обнажена до дна. «Я на всю жизнь запомнил эту хозяйскую рожу покупателя из деревни, за мешок муки вытаскивающего зеркала. Расею, в чьих нравственных качествах я имел возможность лично убедиться бесчисленное количество раз.

И пусть мне не поют о “народе”. Не поют о “крестьянстве”. Я знаю, что это такое. Пусть аферисты и дельцы не поют, что интеллигенция перед кем-то виновата.

Интеллигенция ни перед кем не виновата. Дело обстоит как раз наоборот. Народ, если такое понятие существует, в неоплатном долгу перед своей интеллигенцией»¹⁶⁰.

«Стяжательская душа крестьянина? – задается вопросом известный исследователь шаламовского творчества В.В. Есипов и продолжает – Резкое и непривычное обобщение, но только для тех, кто привык видеть в крестьянстве исключительно воплощение добродетелей. Трудно сказать, какие чувства испытывал во время этих сцен отец Шаламова, всю жизнь поглощенный идеей “долга народу”. Варлам этой идеей никогда не увлекался и не страдал. Его отношение к деревне, к так называемому простому народу, к “Расее” – во многом сродни бунинскому или булгаковскому, трезвому и суровому, лишенному всяких признаков столь свойственного русской интеллигенции “народопоклонства”. Шаламов – с первых юных впечатлений и до конца дней – в этом коренном для России вопросе представляет одно из редчайших исключений в русской, а тем более в советской литературе»¹⁶¹.

¹⁵⁹ Шаламов В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 4. М., 2013. С. 115.

¹⁶⁰ Там же. С. 116.

¹⁶¹ Есипов В. Шаламов. М., 2010. С. 63. Вряд ли отсутствие у Шаламова «народопоклонства» можно считать исключительным для отечественной словесности. Трезвый, критический взгляд на крестьянство был присущ Тургеневу, Чехову, Горькому, Бунину, Замятину, Пильняку, Андрею Платонову, Шолохову

Однако одно дело – индивидуальный опыт, формирующий личный критический взгляд, а другое – пожизненная, но теоретически не отрефлексированная верность принципам, которые материализовались в конкретных политических направлениях и персонажах. По свидетельству В.В. Есипова, Шаламов «народовольцам и их последователям – эсерам-максималистам... продолжал поклоняться всю жизнь – именно за их бескорыстную жертвенность»¹⁶².

И здесь вопрос: искупает ли личное бескорыстие террористов Гриневецкого, Желябова, Перовской не только отнятую жизнь Александра II, но и погибшего от взрыва четырнадцатилетнего подростка Гриши Захарова, равно как и сотен жертв революционной «охоты» на государственных чиновников, развернутой народовольцами и их последователями в предоктябрьские десятилетия? Нет ли в этом всего лишь количественного различия с последующими сталинскими массовыми убийствами? «Аресты тридцатых годов были арестами людей случайных. Это были жертвы ложной и страшной теории о разгорающейся классовой борьбе по мере укрепления социализма»¹⁶³, отмечает Шаламов. Но чем сталинская теория о возрастании классовой борьбы хуже народнической теории о чиновной крови как мести за народные тяготы и стимуле революции? Достаточно ли всмотрелся Шаламов в лицо народнического (эсеровского) революционного «бога», которому поклонился?

С советской властью Шаламов столкнулся еще до отъезда в Москву, в Вологде. Она предстала и в образе заведующего РОНО товарища Ежкина, сунувшего слепому шаламовскому отцу и ему в лицо фигу в ответ на вопрос о возможности получения высшего образования. Явила она себя и в образе чекистского палача Кедрова, отметившегося в городе массовыми арестами и расстрелами. Проявилась она и в непотребных ликах разного рода советских производственников и функционеров, подселяемых в шаламовский дом.

и еще многим другим. Но была сильна, что справедливо отмечается, и заложенная Толстым линия преклонения перед «мыслью и жизнью народной», чего счастливо избежал Шаламов.

¹⁶² Есипов В. Шаламов. С. 53.

¹⁶³ Шаламов В. Указ. соч. Т. 1. С. 361.

Понимал ли мыслитель Шаламов, что отнявший у него жизнь сталинизм – лишь новая, опробуемая худшей частью русского народа форма его освобождения от привычного рабства посредством превращения в рабов той своей части, которая посмела попробовать или даже помыслить стать свободной? (Как было известно давно, мечта раба – самому стать господином и владеть рабами.) Ведь попытка иметь собственность, быть образованным, свободно верить, думать и говорить – все это выходы из рабского состояния. Выходы, которые лишают тоталитарную власть власти, закрывают возможности, как говорил Столыпин, «пьяным и слабым» паразитировать на «трезвых и сильных». Экономический фундамент марксизма – уничтожение частной собственности – лозунг уничтожения не только собственности вещной, но собственности человека на самого себя, на свое тело и душу. Но ведь это и происходило в ГУЛАГе – органическом продукте советской власти. Об этом – отъеме собственности, превращении человека в ресурс для решения поставленной государством задачи – весь опыт и творчество Шаламова.

В рассказе «Последний бой майора Пугачева» читаем: «Отсутствии единой объединяющей идеи ослабляло моральную стойкость арестантов чрезвычайно. ... Умирая, они так и не поняли, почему им надо было умирать»¹⁶⁴. Идущий из глубин порок российского бытия: люди не сознают, что уже от рождения объединены данной Богом и провозглашенной христианством идеи личной свободы. Не понимают, что без собственности человека на себя, свой труд и его продукты данная им от рождения свобода не может реализоваться. Не понимают, что без всего этого ленинизм-сталинизм в России неизбежны. Нет этого сознавания и у редких у Шаламова героев – у майора Пугачева и его товарищей, сил которых хватает лишь на то, чтобы «умереть – свободными»¹⁶⁵.

Главный метод мыслителя Шаламова – свидетельство. Следуя ему, он хирургически отсекает все, выходящее за пределы «объективного», фактического. Так он рассказывает нам об убийстве ножом и сообщает лишь о физических параметрах этого орудия и его предмета – человеческого тела. Без эмоционального переживания, возникающих мыслей, субъективных оценок. Строго естественнонаучно.

¹⁶⁴ Шаламов В. Указ. соч. Т. 1. С. 362.

¹⁶⁵ Там же. С. 363.

Но, возможно, именно главенство этого метода, концентрация именно на объекте, в то же время ограничивает мыслителя в расширении наблюдаемого им поля, в понимании связи рассматриваемого предмета с другими. Вот, к примеру, его известное критическое замечание о ставшем модным в советской литературе двадцатых-тридцатых годов лубочно-оптимистическом изображении преступного мира. «Безудержная поэтизация уголовщины» идет от незнания преступного мира, совершается «трагическая ошибка, приносящая значительный вред» – так оценивает Шаламов литературные упражнения «советских писателей», получающих от власти почет и блага. Шаламов, например, пеняет придворному литератору, многократному лауреату всяческих премий Погодину, не давшему себе «сколько-нибудь серьезный труд подумать над теми живыми людьми, которые сами в жизни разыграли несложный спектакль перед глазами наивного писателя»¹⁶⁶. Шаламов и в самом деле думает, что имеет дело с наивностью? Неужели он не видит, что дело не в «ошибке» от незнания? Это было бы наименьшим злом. Но вместо него циничная конъюнктура автора «Аристократов» и ему подобных «совлитераторов», с готовностью откликающихся на политический заказ власти показать процесс «создания нового человека» методом «перековки», нуждающейся в ее примитивно-художественной популяризации. Шаламов не может этого не понимать. Но тогда зачем призыв «знать материал»?

Один из последних произведенных Шаламовым незадолго до смерти публичных контактов с властями, его известное письмо в «Литературную газету» по поводу не согласованных с ним публикаций на Западе «Колымских рассказов»¹⁶⁷. Сам по себе случай этот неоднократно и всесторонне обмыслен и обсужден. Не вызывает сомнения моральная ущербность совершенного публикаторами проступка, писательская правота Шаламова. Что же до его человеческих, личных мотивов, то известно отрицательное отношение к факту письма его близкого друга И.П. Сиротинской: «Не надо. Это – потерять лицо. Не надо. Я чувствую всей душой – не надо»¹⁶⁸. Впрочем, судить о поступке Шаламова, равно как и о реакции Сиротинской, мы не в праве.

¹⁶⁶ Шаламов В. Указ. соч. Т. 2. С. 11.

¹⁶⁷ URL: <https://shalamov.ru/library/24/73.html> (дата обращения: 27.04.2017).

¹⁶⁸ Шаламов В. Указ. соч. Т. 7. С. 31.

Вместе с тем, суммируя все проявления отношения Шаламова к советской власти, какой она была, начиная с Октября, в сталинский, послесталинский и современный ему период, верным суждением мне представляется следующее. В понятии «советская коммунистическая система» Шаламов, скорее всего, делал акцент и давал уничтожающую критику только ее сталинскому проявлению. Сознал ли он, что даже с гуманистическими «послаблениями» иной коммунистическая система быть не может? Как отмечал Федотов, любой большевизм всегда строит новую жизнь «по своему образу и подобию»¹⁶⁹, создает новую этику, новый быт, новую личность. Не исключая, что вершиной шаламовских представлений о желательном для страны общественном строе он видел «социализм с человеческим лицом». Вот и его «Письмо старому другу» (1965) завершается словами: «Люди, стремящиеся скрывать язвы, подобны опасным больным, которые предпочли бы умирать, нежели открыто призвать на помощь искусного врача. Для России этот врач – гласность!»¹⁷⁰. Ничего не напоминает?

До безуспешной попытки учреждения в стране гуманного социализма Михаилом Горбачевым Шаламов не дожил нескольких лет. Впрочем, чтобы изжить эту мировоззренческую иллюзию, нам, ее современникам, понадобилась растянувшаяся на годы перестроечная попытка воплотить ее в жизнь, ее печальный финал. Шаламову времени на это отпущено не было.

---

¹⁶⁹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 29.

¹⁷⁰ Шаламов В. Указ. соч. Т. 7. С. 284.

Заключение

Современное российское общество, несмотря на изменения, произошедшие после распада СССР, тем не менее обнаруживает признаки российского и советского имперского строя. Критико-позитивное осмысление пережитого было поверхностным. Константы российского бытия, или, говоря метафорически, его матрица, сохраняются. К месту констатация Морфиуса – героя фильма «Матрица»:

–...Ты увяз в матрице, Нео. Матрица повсюду. Она окружает нас. Даже сейчас она с нами рядом. Ты видишь ее, когда смотришь в окно или включаешь телевизор, ты ощущаешь ее, когда работаешь, идешь в церковь, когда платишь налоги. Целый мирок, надвинутый на глаза, чтобы спрятать правду.

– Какую?

– Что ты только раб. Как и все, ты с рождения в цепях. С рождения в тюрьме, которую не почувешь и не коснешься, в темнице для разума. Увы, невозможно объяснить, что такое матрица.

Новое вырастает из усилий по изменению старого. И не всегда важно, в какой мере усилия успешны. Значим сам факт их наличия, полученный опыт и возможность его последующей актуализации. Если есть попытки изменений, а еще лучше – живые их носители, у нового сохраняется возможность не повторить прошлое, не разорвать связь времен. В противном случае начинать приходится заново. К сожалению, в искажении истории (в пределе – сотворении ее заново каждой новой властью) и дискредитации носителей опыта перемен состоит одна из печальных российских традиций. Что в попытках изменения констант бытия оставил распавшийся СССР?

Что касается константы «собственности – власти», то запущенное последними Романовыми ее распространение на активную часть крестьянства было хотя и непоследовательно, но все же продолжено советской властью в период НЭПа. Негативный тренд двадцатых-тридцатых годов – уничтожения «эксплуататоров» и занятых интеллектуальной работой «господ и студентов», меченых непролетарским происхождением, частично компенсировался народными «самородками» на волне созидания «мира сначала» (О. Мандельштам). С тридцатых годов замещение частной собственности собственностью государственной стало занимать существенное место, хотя вкус «власти – собственности» – частного

собственничества под видом государственного – коммунистическая элита начала обретать много позднее. Тем не менее нельзя сравнивать ее богатства с богатствами верхних и нищетой нижних десяти процентов – собственническим безумием и имущественным расслоением современности.

Еще менее позитивного опыта изменения обнаруживает константа самодержавия. Предпринятое Николаем II ее свертывание сменилось противоположным процессом – новым, прежде невиданным укреплением по мере развития сталинизма. Самодержавие обнаружило себя незаменимым и эффективным инструментом укрепления советской власти.

Что до константы – империи, то в СССР она не только не предполагалась к замене, но еще более развилась посредством своего территориального расширения накануне и после Второй мировой войны. При этом, наряду с теоретиками, материальной силой, способствовавшей ее росту, стала низовая активная часть населения страны, в своем сознании генерировавшая энтузиазм преобразований в диапазоне от «землю в Гренаде крестьянам отдать» и до Марса, на котором «будут яблони цвести». При этом размышлениями – идет ли речь об испанских колхозах или о марсианских совхозных садах – никто себя не утруждал.

Распад советской империи произошел в силу разрушения двух базовых констант – самодержавия и собственности – власти. Однако уроки из этого исторического катаклизма, к сожалению, так и не были извлечены, а их радикальной коррекции и замены так и не последовало. Думаю, что сохранение стабильности в этом случае тем более плохо, что *Россия в своих составных частях – с разными уровнями экономики, политики, общественной жизни и культуры, а равно и качеством человека еще долго обречена быть империей.* Однако в этой (желаемой) империи константы «самодержавие» и «власть – собственность» должны быть заменены на «право» и «личную собственность человека на предметы и самого себя», что невозможно без большой социально-экономической и культурной работы.

В советское время, далее, константы укрепились и в общественном сознании, чему способствовало обусловленное «чистками» качественное изменение отечественного социума. Сегодняшняя позиция власти – не замечать их в головах – наивность

или боязливый и недальновидный расчет. Трагедия миллионов уничтоженных требует осознания и памяти. Нам никуда не деться от сформулированного Варламом Шаламовым императива: «Помнить все хорошее – сто лет, а все плохое – двести».

Что же до понимания, как стал возможным смертельный разгул, то ответственность за него коренится не столько, как обычно понимают, в идеологии или в личностях, совершавших «перегибы». Корни трагедии в том, что ее творцом стали массы. *Сталинизм – трагедия народная, опробованная худшей частью русского социума форма его освобождения от привычного рабства посредством учреждения рабства нового – превращения в рабов той части народа, которая посмела попытаться или только помыслила стать свободной.*

Давно известно, что мечта раба – самому быть господином и владеть рабами. Поэтому попытки иметь собственность, быть образованным, свободно верить, думать и говорить – все эти способы выйти из рабского состояния лишают народную власть (общины, соседства, коллектива) всевластия, закрывают возможности, как говорил Столыпин, «пьяным и слабым» гнобить и паразитировать на «трезвых и сильных». В этом – отъеме собственности, превращении человека в ресурс для решения народно-государственных задач – опыт миллионов. «И пусть мне не поют о “народе”. Не поют о “крестьянстве”. Я знаю, что это такое. Пусть аферисты и дельцы не поют, что интеллигенция перед кем-то виновата. Интеллигенция ни перед кем не виновата. Дело обстоит как раз наоборот. Народ, если такое понятие существует, в неоплатном долгу перед своей интеллигенцией», – говорил Шаламов.

В случае если мы все же обречем решимость получить ответ на первый, обращенный к действительности философский вопрос – «Что мы можем знать?», нам придется идти дальше и искать ответы на другие – «Что мы должны делать?» и «На что мы можем надеяться?»

Пережитые страной в XX в. катаклизмы показали, что перспективная работа с константой «власть – собственность» – процесс длительный и многотрудный. Он затрагивает каждого индивида, все социальные слои, глубоко связан с культурным развитием, с фундаментом права – договором, доверием и справедливостью, требует укоренения в сознании, в привычках и стереотипах, в образе жизни.

Три года назад вышла наделавшая много шума статья Валерия Зорькина «Суд скорый, правый и равный для всех»¹⁷¹, в которой, в частности, затрагивалась ставшая предметом радикал-либеральной критики тема крепостного права. Между тем, пафос текста был в другом. Автор верно отмечал, что для модернизации стране необходимо, чтобы нормы законов, качество законоисполнения и вся государственная политика были в согласии с представлениями широких масс о благом и справедливом. Не изменятся представления – стороной законы, мимо политика. Но как подвинуть народ к перемене его представлений, в значительной части которых по-прежнему сталинизм – желаемый порядок, обеспечивающий справедливость и благо? Вряд ли есть другой способ, чтобы вывести человека из состояния «несовершеннолетия» (И. Кант), кроме как поставить его в условия свободы и ответственности, сделать собственником самого себя, своего дела и самой жизни.

Технологически более простой видится работа с матричной частью «самодержавие». Однако если она не синхронизирована с изменениями в части «власть – собственность», то ее организационные результаты, как показал опыт Октября, мало чего стоят. Сегодняшний пример – некоторые нынешние по сути антиконституционные законы при наличии Конституции, а также реальная эффективность и авторитет Сената и Государственной Думы при учрежденном парламентаризме.

Оправдано ли в этой ситуации упование на какой-то особый социальный слой, о чем опять же несколько лет назад заявлял Виктор Черкесов в статье «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев»¹⁷²? «Падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за... “чекистский” крюк. И повисло на нем». Обсуждая наиболее приемлемый сценарий будущего, он призывал «достроить чекистскую корпорацию» и с ее помощью «обеспечить долговременную стабильность и постепенный выход из глубокой социокультурной депрессии». Вопрос, в какой мере «новое дворянство» оказалось способно повлиять на перезагрузку «самодержавия» и «власти – собственности», по прошествии более пятнадцати лет в подробном ответе вряд ли нуждается. Ставка на то, чтобы исключительно «люди в погонах» выступили главным актором преобра-

¹⁷¹ Рос. газ. 26.09.2014.

¹⁷² Коммерсантъ. 09.10.2007.

зований, на мой взгляд, была изначально ошибочным управленческим решением уже в силу его кажущейся «простоты». *Это решение, за внешней готовностью призванных быстро и «незвизрая на обстоятельства» в рамках строгой иерархии выполнить любой приказ, помимо недостатков, свойственных всем людям, в существенной мере обнаружило и стремление многих «воинов» стать «торговцами».* Почему было сделано именно так? Ведь было известно, что даже в такой сильной бюрократической системе, какой была компартия, демократическая работа по подготовке кадрового резерва велась во всех слоях общества.

Что до работы по преобразованию константы «империя», то она самая сложная. Во-первых, за пятьсот лет константа глубоко проникла в индивидуальное и общественное сознание. Во-вторых, она императивна: ради нее легко идут на сохранение в неизменном («скреповом») состоянии и самодержавную форму правления, и механизм «власти – собственности». Неприкосновенность константы «империи» в ее нынешнем виде объясняется и тем, что за это индивиду гарантирована компенсация. Отказавшись от «больших», в пределах страны, изменений самодержавия и власти – собственности, он в своих собственных границах учреждает свое, встроенное в местную иерархию, маленькое личное самодержавие и свою власть – собственность. Гарантия их сохранения – его личная преданность центральным персонам и идее большой империи с большим самодержавием и большой властью – собственностью (феномен «поместной федерации» С. Кордонского¹⁷³). Что же, исходя из современных реалий, в этой ситуации возможно предпринять?

Ответ на вопрос «Что мы должны делать?» отчасти содержится в ключевом слове «делать». Однако поскольку предметом выступает весь социум, то дело должно быть всеобщим и «искренним» делом миллионов. Однако у нашего «дела», как и у всего на свете, есть история. А в истории страны ее главное дело почти всегда направлялось на внешний предмет – новые территории, соседние социумы, ресурсы. Очень редко предметом общего дела становился сам призываемый для дела человек. Так вот, сегодня (и тут я погружаюсь в фантазии), когда ни общей идеи, ни новых территорий

¹⁷³ Кордонский С. Россия. Поместная федерация. М., 2010.

или сообществ для своего разумного жизненного порыва вовне у отечественной империи не предвидится, населяющие ее народы должны направить свою активность на самих себя. Впрочем, тут же нужно признать, что мы, похоже, не очень хотим это делать: сопоставим хотя бы объем наших усилий внутри страны и в международной политике. Не исключено, что под другим «политическим соусом» мы повторяем старый отечественный опыт, зафиксированный Андреем Платоновым: «Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала».

Общее дело сегодня – развитие человека. На смену марксистского “*homo laborans*” – человека работающего – должна прийти установка не просто на «сбережение народа» (А. Солженицын), а на его общественное, экономическое, правовое, моральное окультуривание, подчас выведение из варварского состояния. *В случае перезагрузки матрицы, формирование homo culturae – человека культуры – должно стать главной заботой общества и государства.* В какой мере при этом мы будем обращаться к западному, восточному или собственному опыту и источникам – вопрос второй. Главное – договоренность о цели и формулирование конкретных задач в рамках «общего дела».

Формулировать эту цель как главную для общества вне контекста созданных в последние два десятилетия политических реалий бессмысленно. Цель может быть поставлена лишь Президентом. При этом очевидно, что она вряд не пойдет вразрез с интересами кого-то в его «ближнем круге», прибыльно работающем в матричной части «самодержавия» и «власти – собственности». Надеяться, что при таком политическом повороте и «волки» будут сыты, и «овцы» целы не приходится. Но и позиция платоновского героя: «мое дело – устранять враждебные силы. Когда все устраню – тогда оно само получится, что надо», – не для теперешней ситуации. Без неприемлемого критического ущерба для социума надеяться на «само» нельзя. *Время, когда будет ясно, что терпение людей, лишенных собственности, задавленных центральным и местным самодержавием, иссякло, одновременно будет временем, когда разумно и эволюционно уже ничего сделать нельзя.*

«Общее дело», далее, невозможно без предваряющей работы с кругом сложившихся элит, значительная часть которых нуждается в окультуривании раньше и в не меньшей степени, чем народ.

В какой мере мы еще обладаем потенциалом «элиты элит», которая бы запустила начальный этап окультуривания сложившихся элит, сказать сложно. Ясно, что с течением времени слой «элиты элит» становится все более тонким и в обозримые сроки исчезнет. Чтобы в этом убедиться, достаточно, например, сравнить состояние научно-образовательной сферы сегодня и в последние годы СССР. Ну а если совсем уж наглядно – то нажать на кнопку любого из федеральных каналов и оценить уровень дикости политических и развлекательных телевизионных программ.

Пять веков империи, если отставить в сторону те бледные в сравнении с действительностью картины, которые нам нарисовали просвещенные дворяне-писатели XIX столетия, для девяноста процентов населения страны были веками страха и борьбы за выживание. И много ли позитива добавили к нашей истории советский строй и новейшее время? Сегодня же по всему видно, что отечественная гуманитарная машина в лице ее начальников занята тем, что во имя якобы народно-государственных интересов проводит модернизацию «под себя» российской истории и культуры, выступает за возврат к домостроевским «ценностям», к ориентированному на политическую потребу «православию», к консерватизму любого вида, лишь бы он уничтожал свободу.

Странно, но у власти нет осознания даже очевидного: без свободы нет творчества; без творчества – нового; без нового – прогресса; нет сознания, что страна становится мировой провинцией; нет понимания, что новое и прогресс сегодня – результат усилий большей части социума.

Конечно, явных сигналов для беспокойства вроде бы нет: и спрос на сырье есть, и пока еще слабы исходящие от народа импульсы недовольства. А что из страны «бегут мозги» и среди населения доля **homo trioboli** (ни на что не годных) катастрофически множится, велено не замечать. В этой ситуации власть, кажется, могла бы праздновать победу. Вот только последний философский вопрос – «На что мы можем надеяться?» – неотменим. И его конкретизация выльется в форму: «В какой стране нынешняя власть может оказаться властью в недалеком будущем?».

Культура как понятие, обозначающее все, что делается человеком, в том числе – в духовной сфере, шире понятия империи и имперского бытия. Уже по этой причине механизмы преобразования империи в исторически следующую форму общественного существования – национальное государство (сообщества граждан – субъектов политики)¹⁷⁴ следует искать не только в самом этом явлении, но шире – в культуре.

Завершая вторую теоретическую главу, я отмечал: «Изменить или хотя бы несколько модифицировать константы отечественного бытия Октябрьской революции не удалось. Каждая из них – империя, самодержавие, собственность – власть в результате революционных процессов приняли новые, в некоторых отношениях еще более жесткие формы, чем были столетиями ранее или даже в начале XX в. И вопрос об их изменении или принципиальной неизменности остается открытым до сих пор».

В продолжение этого заключения один из рецензентов рукописи задавал вопрос: «Так что, мы так и обречены жить вечно? И не связана ли подобная грустная картина с самим типом исследования, а не с характером российской культуры и цивилизации?». Относительно мысли об объективности или субъективности описанного, производности этого вывода от типа моего исследования – отвечу так. К сожалению, я считаю, что описываемое имеет объективных характер. А вот что касается вопроса нашей вечной обреченности жить в рамках и по логике обозначенных констант, то ответ мне видится следующим.

Заданная константой империи склонность к постоянной миграции, переходу на новые места в поисках новых источников (средств) развития заложила в нашем менталитете и психологии привычку незавершения, недоделки чего-либо, с одной стороны, и привычку начинать «с чистого листа», заново, включая создание «нового человека», с другой. «Здесь будет город заложен», «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», «Светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома»,

¹⁷⁴ Подробнее об этом: *Никольский С.А.* Современная Россия: этап национально-государства // Государство. Общество. Управление. М., 2013.

«...в Москву, в Москву!» – таких смыслообразов, переполняющих наше сознание, при всей их конкретности и в то же время многозначности масса. И эта «охота» относится не только к географии. Намного хуже то, что «зуд к переменам» посредством изменения «обстоятельств» – вообще проявление отечественной устойчивой привычки к незавершенности и торопливого подталкивания будущего в каком-либо направлении, воображаемом, но определенном волевым образом в качестве желаемого.

Не желает государь конституционного ограничения власти? Войска на Сенатскую площадь. Медленно развивается в стране народный капитализм? Вот «рекомендации» от господина Чернышевского. Недостаточно в стране крестьянских бунтов? Незамедлителен ответ от народовольцев, подкрепленный широким движением. Нужна кровь монарха и чиновников для отмены самодержавия? Бомбы и револьверы – в дело. Ограничена в своих целях и результатах буржуазная революция? Сыграв на озверении и дикости низов, распространим ее из столицы в деревню, переведем в «социалистическую» фазу. Чересчур «затратной» и не в меру кровавой оказалась народная власть в форме сталинизма? Сделаем вид, что его как бы и не было, и активно займемся устройством новой жизни вроде как на новых началах.

Есть ли у всех этих разнородных вопросов нечто общее? Несомненно. Ни один не «разрешен» до конца. Ни один не проблематизирован до полной ясности, ни из одного не сделаны выводы относительно состояния и перемен в умонастроениях народа, в его общественном сознании. И потому результат – каша в головах, причем на всех уровнях. Редки трезвые оценки редких мыслителей. Вот как, к примеру, о времени, когда революционные демократы ждали появления в стране «новых людей» и самозабвенно о них писали, отзывался Н.С. Лесков: «Хотел бы я воскресить Чернышевского и Елисеева: что бы они теперь писали о “новых людях”?.. Если исправничий писец мог один перепороть толпу беглых у меня с барок крестьян, при их же собственном содействии, то куда идти с таким народом? “Некуда”!.. **Рахметов Чернышевского** это должен был бы знать!.. Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент?

– Однако у вас, Николай Семенович, никакого просвета не видно.

...Я же чем виноват, если действительность такова!.. Удивительно, как это Чернышевский не догадывался, что после торжества идей Рахметова русский народ, на другой же день, выберет себе самого свирепого квартального... Идеи, которые некому и негде осуществлять, скверные идеи!..»¹⁷⁵. Сильно ли отличается прозреваемый Лесковым «самый свирепый квартальный» от народного сталинизма?

Завершая, должен обозначить и еще один вопрос, который, возможно, возникал при чтении? – почему в качестве предмета рассмотрения я избрал произведения одних философствующих писателей и не обратился к другим. Ведь для понимания поставленных проблем не менее значимо творчество Ивана Бунина, Максима Горького, Алексея Ремизова, Бориса Пастернака, Сергея Есенина, Марины Цветаевой, Михаила Шолохова и еще многих других.

Думаю, что уже одно перечисление этих больших имен в длинном ряду содержит искомый ответ. Слишком велик материал, слишком значимы проблемы, этими творцами поставленные. По этой причине обращение к ним – предмет неспешного и глубокого исследования в дальнейшем.

---

¹⁷⁵ Цит. по ст. Л.А. Аннинского «Катастрофа в начале пути», завершающей I т/собрания сочинений Н.С. Лескова (см.: *Лесков Н.С. Собр. соч.*: в 6 т. М., 1993. С. 690).

Список литературы

Анненков А.П. Дневник моих встреч. М., 2005. URL: http://royallib.com/read/annenkov_yuriy/dnevnik_moih_vstrech.html#2293760 (дата обращения: 20.03.2017).

Аннинский Л. Красный век. Эпоха и ее поэты. Т. 1. М.: ПРОЗАиК, 2009. 432 с.

Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? М.: Новое изд-во, 2008. 464 с.

Ахматова А. Полн. собр. поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-книга, 2010. 1007 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исслед. разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

Берберова Н. Блок и его время. М.: Астрель, 2012. 249 с.

Бердяев Н. О творческой свободе и о фабрикации человеческих душ // Анна Ахматова: PRO ET CONTRA: Антология. Т. 2. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. акад., 2005. 992 с.

Бибихин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 591 с.

Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.

Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1980. 511 с.

Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1980. 470 с.

Богданов А.А. Красная звезда. URL: http://az.lib.ru/b/bogdanow_aleksandr_aleksandrowich/text_0040.shtml (дата обращения: 13.03.2017).

Большевики у власти: социально-политические итоги октябрьского переворота. Пг.; М.: Т-во «Революционная мысль», 1918. 291 с.

Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова. 1973. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt (дата обращения: 06.03.2017).

Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель // Путешествие к Чехову. М.: Искусство, 1996. 312 с.

Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Пг.: Госиздат, 1920. 310 с.

Быков Д. Борис Пастернак. М.: Мол. гвардия, 2006. 447 с.

Быков Д. Тринадцатый апостол. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях. М.: Мол. гвардия, 2016. 832 с.

Варламов А. Андрей Платонов. М.: Мол. гвардия, 2011. 546 с.

Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0360.shtml (дата обращения: 27.03.2017).

Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 28. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954. 614 с.

Гофман В. Место Пильняка // Мастера современной литературы. Т. III. Л.: Академия, 1928. 356 с.

- Гулыга А.* Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 447 с.
- Данилов В.П.* Кооперация двадцатых годов: опыт становления // Человек и земля / Сост.: Р.С. Карпинская, С.А. Никольский. М.: Агропромиздат, 1988. 203 с.
- Есипов В.* Шаламов. М.: Молодая гвардия, 2010. 346 с.
- Замятин Е.И.* На куличках. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0020.shtml (дата обращения: 27.02.2017).
- Замятин Е.* Русь. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0020.shtml (дата обращения: 20.02.2017).
- Зорькин В.* Суд скорый, правый и равный для всех // Рос. газ. 26.09.2014.
- Зубов А.Б.* Циклы русской истории // Вопр. философии. 2005. № 3. С. 161–166.
- Ильин И.* О грядущей России. Нью-Йорк: Изд-во Св.-Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс Джорданвилл, 1991. 123 с.
- История России. XX век. Т. 1. 1894–1939. М.: Астрель; АСТ, 2009. 1023 с.
- Кабанов В.В.* Октябрьская революция и кооперация (1917 – март 1919). М.: Наука, 1973. 203 с.
- Кантор К.М.* Тринадцатый апостол. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 138 с.
- Ключевский В.* Царь Иван Грозный // Иван IV Грозный. М.: Эксмо, 2011. 208 с.
- Клямкин И.М.* Затухающая цикличность // Гефтер. URL: <http://gefeter.ru/archive/6666> (дата обращения: 13.02.2017).
- Коваленко С.* Анна Ахматова. М.: Мол. гвардия, 2009. 348 с.
- Коварский Н.А.* Свидетельское показание // Мастера современной литературы. Т. III. Л.: Академия, 1928. 356 с.
- Кордонский С.* Россия. Поместная федерация. М.: Европа, 2010.
- Корниенко Н.* Чевенгурские мечтания о новом человеке в статьях Платонова 1920-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 6. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 688 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. 367 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. 506 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1969. 599 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. 695 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат, 1981. 725 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. 729 с.
- Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М. 2001. 504 с.
- Лесков Н.С.* Собрание сочинений в шести томах. М., АО «Экран», 1993.
- Лесков Н.С.* Еврей в России. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0142.shtml (дата обращения: 13.02.2017).

Локтионов М.В. Загадки «Тектологии» – книги, опередившей время // *Анатомия философии: как работает текст / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая.* М.: Издат. Дом ЯСК, 2016. 963 с.

Мандельштам Н. Воспоминания. Т. 1. М.: Вагриус. 2006. 464 с.

Мандельштам Н. Вторая книга. М.: Вагриус. 2006. 608 с.

Мандельштам О. Полн. собр. соч. поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-книга, 2010. 1183 с.

Манифест, Николай I, Император и Самодержец Всероссийский, 17 августа 1849 г. О разгроме Венгерского восстания. URL: <http://hisdoc.ru/laws/15684> (дата обращения: 02.02.2017).

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. М.: Политиздат, 1960. 882 с.

Маяковский В. Полн. собр. стихотворений, поэм и пьес в одном томе. М.: Альфа-книга, 2011. 1327 с.

Миллер А.И. История империй и политика памяти // *Наследие империй и будущее России.* М.: Новое лит. обозрение, 2008. 528 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 893 с.

Неретина С.С., Огурцов А.П. Время культуры. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 343 с.

Никольский С.А. Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М.: Агропромиздат, 1990. 238 с.

Никольский С.А. Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М.: КолосС, 2003. 375 с.

Никольский С.А. Современная Россия: этап национального государства // *Государство. Общество. Управление.* М.: Альпина паблишерз, 2013. 510 с.

Новиков В. Александр Блок. М.: Мол. гвардия, 2010. 400 с.

Орлов Вл. Александр Блок. Предисл. // *Блок А. Избранное.* М.: Худож. лит., 1978. 191 с.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Историческое прогнозирование в XXI в.: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014. 456 с.

Пильняк Б.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2: Машины и волки. М.: Терра, 2003. 530 с.

Пильняк Б. Голый год. М.: ФТМ, 1922. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/00/56/73/00567345.a4.pdf> (дата обращения: 27.01.2017).

Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. М.: ФТМ, 1926. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/00/56/73/00567345.a4.pdf> (дата обращения: 20.01.2017).

Пильняк Б. Красное дерево. М.: ФТМ, 1929. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/00/56/73/00567345.a4.pdf> (дата обращения: 13.01.2017).

Платонов А.П. Соч. Т. 1. 1918–1927. Кн. 1: Рассказы, стихотворения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 645 с.

Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.). М.: Астрель, 2013. 686 с.

Платонов А. Ювенильное море. М., 1998. 560 с.

Полякова Л.В. Повесть Е. Замятина «На куличках»: опыт прочтения // Е.И. Замятин: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Евгения Замятина в оценках отечественных и зарубежных исследователей. СПб.: Апостольский город; Невская перспектива, 2014. 484 с.

Порус В.Н. Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов // Вопр. философии. 2014. № 1. С. 19–33.

Проскурина Е. Grimасы смерти у Платонова («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 6. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 688 с.

Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий развития России в XXI в.. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.

Сокуров А. Кино и жизнь. URL: <http://www.businesspuls.ru/archives/2426> (дата обращения: 06.01.2017).

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетей, 2000. 647 с.

Степун Ф. Историческое и политическое мирозерцание Блока // Александр Блок. Pro et Contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. 716 с.

«Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 6. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 688 с.

Толстой Л.Н. Так что же нам делать // *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. Т. 16. М.: Худож. лит., 1983. 113 с.

Троцкий Л. История Русской революции. URL: http://www.1917.com/Marxism/PrePress/misc/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf (дата обращения: 06.01.2017).

Турков А.М. Чехов и его время. М.: Geleos, 2003. 464 с.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб.: София, 1992. 350 с.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. На поле Куликовом. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/sudba-i-grehi-rossii/6 (дата обращения: 13.02.2017).

Хобсбаум Э. Век империи. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 542 с.

Хомяков Д. Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1983. 231 с.

Цветева М. Полн. собр. поэзии, прозы, драматургии в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1215 с.

Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев. КоммерсантЪ. 9 октября 2007 г.

Черняев А.С. Приближение к обрыву. Из дневника помощника президента СССР Анатолия Чернышева // Независ. газ. 20.03.2017. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-03-20/8_6952_ussr.html (дата обращения: 27.03.2017).

Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1985. 735 с.

Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1985. 732 с.

Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1985. 542 с.

Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1985. 492 с.

Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 16. М.: Наука, 1985. 623 с.

Шаламов В. Собрание сочинений в семи томах. М.: Терра – Книжный клуб – Книговек, 2013.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 444 с.

Empire and the Culture
Philosophical and literary understanding
of the October (revolution of 1917)

Nickolsky Sergey

Nickolsky Sergey Anatolievich – Chief Research Fellow, Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy

In the current book there is made an attempt to see the structure inherent to the Russian history. Its elements – the Empire, the autocracy and the fusion of power and property (ownership/non-ownership), according to the author, represent the constants of Russian life. Constants are, first, a randomly established and purposefully created in the historical practice method of organization and functioning of the social life of the society; secondly, they are constantly reproducing a stable mental structure, created by the state and society. On the one hand, they set limitations, but on the other, construct a directory of public (economic, socio-political and cultural) development. Under their influence and in their mainstream there appear the corresponding social actors – persons, groups, institutions. The constants of public life of the Russian society set the characteristics of its own development, the type and the features of its relationship with nature and other communities. In the structure of the constants it is important to note the religious component of Orthodoxy, which had been formed in the second half of the XVIth century and was strengthened in the confrontation with the West.

There were cases in Russian history when the statesmen, concerned with the understanding of social development, clearly formulated the idea of “constants”. A vivid example of the XIXth century – a statement, made by the Deputy Minister of education S.S. Uvarov that the public education should match with the true Russian protective principles of Orthodoxy, Autocracy and Nationality, that it will be the surest pledge of the strength and greatness of our Fatherland. In this case, the Autocracy as the Russian type of power and Orthodoxy as the type of Russian faith determine the content of the Nationality, and all together provide the permanence of the main characteristics of the state. A profound theme of “Empire and culture” is elaborated on the material of a significant historical event – Russian revolution of October 1917. Philosophical and artistic works of a number of major Russian writers and poets are selected by the author as a research subject, and the time limits of the examined period are moved apart by several decades, from the nineties of the XIXth century to the thirtieth of the XXth century. A special place is given to the philosophical

and literary fantasy of the writers – contemporaries of the October events on the future of Communist Russia and the victory of socialism throughout the world. Discussion of pre-October, October and post-October events is being done on the material of the selected works of Anton Chekhov, Yevgeny Zamyatin, Boris Pilnyak, Alexander Blok, Alexander Bogdanov, Andrey Platonov, Osip Mandelstam, Vladimir Mayakovsky, Anna Akhmatova.

Taking into consideration the acuteness of discussions about the Imperial, not Imperial or quasi-Imperial character of modern Russian society, which is adjacent meaningfully to the text, the author notes that the terms “Empire”, “Imperial consciousness” and the “Imperial relationship” are not used in the evaluative, and even more so in the negative sense. Their usage is simply a statement of historical and present order of things, the causes of which lie not only in the subjective sphere – the will of the rulers. On the contrary, those personalities and social groups that sanctioned this order, contributed its development or obeyed to it in their appropriate practical activities, were solving the problems of adaptation themselves, society and the state to the natural and social realities.

One of the things that the author tried to express is the fact that the mechanisms of revolutionary intervention in history include not only the socio-economic and political factors of social life, fairly well understood by now, but the factor of spiritual culture of the society which is no less powerful in its practical effects. Unfortunately, it is not enough studied. In some way, the aim of the current text is to fill this gap.

Keywords: Empire, culture, philosophy, literature, history, cultural studies, the constants of existence, social consciousness, people, power, individual, interpretation

Научное издание

Никольский Сергей Анатольевич

**Империя и культура. Философско-литературное
осмысление Октября**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *И.А. Мальцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 26.06.17.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 8,00. Уч.-изд. л. 6,17. Тираж 500 экз. Заказ № 15.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии

http://iphras.ru/books_arhiv.htm

